

РУСЛАНЪ и ЛЮДМИЛА,
П О Э М А.

рис. М. Иванова

рис. М. Иванова

РУСЛАНЪ

и

ЛЮДМИЛА

ПОЭМА

ВЪ ШЕСТИ ПѢСНЯХЪ.

Соч. А. Пушкина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографии Н. Греча.

1820.

**Печатать позволяетя,
съ шѣмъ, чтобы до выпуска изъ типо-
графіи представиши въ Сankt-пeterбург-
скій Цензурный Комитетъ шесть экзем-
пляровъ для препропожденія оныхъ куда-
слѣдуешъ на основаніи узаконеній.**

С. Peterбургъ, Мая 15 дня 1820.

*Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кав.
Ив. Тимковской.*

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Для васъ, души моей Царицы,
Красавицы, для васъ однихъ
Временъ минувшихъ небылицы,
Въ часы досуговъ золотыхъ,
Подъ шопотъ спаринны болтливой,
Рукою вѣрной я писалъ;
Примишь жъ вы мой трудъ игривый!
Ни чьихъ не требуя похвалъ,
Счастливъ ужъ я надеждой сладкой,
Что дѣва съ трепетомъ любви
Посмошишь, можешьъ бысть, украдкой
На пѣсни грѣшныя мои.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

РУСЛАНЪ и ЛЮДМИЛА,

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

---

*Д*ѣла давно минувшихъ дней,
Преданья спаины глубокой!

Въ шолпѣ могучихъ сыновей,
Съ друзьями, въ гридницѣ высокой
Владиміръ - солнце пироваль;
Меньшую дочь онъ выдаваль
За Князя храбраго Руслана,
И медъ изъ тяжкаго спакана
За ихъ здоровье выпивалъ.
Не скоро ъли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши, серебряныя чаши
Съ кипящимъ пивомъ и виномъ,
Они веселье въ сердце лили,
Шипѣла пѣна по краямъ,
Ихъ важно чашники носили
И низко кланялись гостямъ.

Слился рѣчи въ шумъ невнятный;
 Жужжішъ госпей веселый кругъ;
 Но вдругъ раздастся гласъ пріятный
 И звонкихъ гуслей бѣглый звукъ;
 Всѣ смолкли; слушаюшъ Баяна:
 И славишъ сладостный пѣвецъ
 Людмилу-прелесть и Руслана
 И Лелемъ свищій имъ вѣнецъ.

Но спрасью пылкой упомленный
 Не ѿспѣши пѣсть Русланъ влюбленный;
 На друга мілаго гляднішъ,
 Вздыхаешь, сердишся, горишь
 И щипля усь опь неперпѣнья
 Щипаешь каждыя мгновенья.
 Въ упныни, съ пасмурнымъ челомъ
 За шумнымъ, свадебнымъ споломъ
 Сидяшъ запри винзя младые;
 Безмолвны, за ковшемъ пуспымъ,
 Забыши кубки круговые
 И брашны непріятны имъ;
 Не слышуши вѣщаго Баяна,
 Попушиши смущенный взглядъ :
 То запри соперника Руслана —
 Въ душѣ несчастные стаяшъ

Любви и ненависти ядъ.

Одинъ — Рогдай, воинъ смѣлый,
Мечемъ расширившій предѣлы
Богатыхъ Кіевскихъ полей;
Другой — Фарлафъ, крикунъ надменный,
Въ пирахъ никѣмъ непобѣженный,
Но воинъ скромный средь мечей;
Послѣдній, полный спраснной думы,
Младой Хазарскій Ханъ, Рапмиръ;
Всѣ шroe блѣдны и угрюмы,
И пиръ веселый имъ не въ пиръ.

Вотъ конченъ онъ, вспаюшъ рядами,
Смѣшились шумными столпами,
И всѣ глядяшъ на молодыхъ;
Невѣста очи опустила,
Какъ будто сердцемъ пріуныла,
И свѣтель радостный женихъ;
Но шѣнь объемлеть всю природу,
Ужъ близко къ полночи глухой;
Бояре, задремавъ опъ мѣду,
Съ поклономъ убрались домой.
Женихъ въ восторгѣ, въ упоеньѣ:
Ласкастъ онъ въ воображеніе
Спѣдливой дѣвы красому;

Но съ шайнымъ, грустнымъ умиленьемъ
 Великій Князь благословенъемъ
 Даруешь юную чешу.

И вонъ невѣсту молодую
 Ведущъ на брачную поспель;
 Огни погасли..... и ночную
 Лампаду зажигаешь Лель.
 Свершились милыя надежды,
 Любви гоповятся дары;
 Падушъ ревнивия одежды
 На Цареградскіе ковры.....
 Вы слышите ль влюбленный шопотъ
 И поцѣлуевъ сладкій звукъ,
 И прерывающійся ропотъ
 Послѣдней робости?.... Супругъ
 Воспорги чувствуетъ заранѣ;
 И вонъ они настали .... Вдругъ
 Громъ грянулъ, свѣтъ блеснуль въ шуманье,
 Лампада гаснешь, дымъ бѣжинъ,
 Кругомъ все смерклось, все дрожишь,
 И замерла душа въ Русланѣ....
 Все смолкло! Въ грозной мишинѣ
 Раздался дважды голосъ странной,
 И кто-то въ дымной глубинѣ

Взвился чернѣе мглы **иуманной**. . . .
И снова шеремѣй пуспъ и пихъ;
Вспашаешь испуганный женихъ,
Съ лица камится попъ осылой;
Трепеща, хладною рукой
Онь вопрошаешь тракъ нѣмой. . . . .
О горе! вѣшъ подруги милой!
Хвашаешь воздухъ онъ пустой;
Людмила нѣшъ во шмѣ густой,
Похищена безвестной силой!

Ахъ! если мученикъ любви
Спрадаешь спраснью безнадѣю;
Хошь грустно жить, друзья мои,
Однако жить еще возможно.
Но послѣ долгихъ, долгихъ лѣшъ
Обняши влюбленнюю подругу,
Желаній, слезъ, тоски предметъ —
И вдругъ, минутную супругу
На вѣкъ упратишь! о друзья!
Конечно лучше бѣ умеръ я!

Однако живъ Русланъ несчастной.
Но чѣо сказалъ Великій Князь?
Сраженный вдругъ молвой ужасной,

На зяпя гнѣвомъ разпалясь,
 Его и Дворъ онъ созываешъ:
 „Гдѣ, гдѣ Людмила?“ вопрошаешьъ
 Съ ужаснымъ, пламеннымъ челомъ.
 Русланъ не слышашъ. „Дѣши, други!
 „Я помню прежнія заслуги —
 „О сжалъшесь вы надъ старикомъ!
 „Скажише, кто изъ васъ согласенъ
 „Скакашъ за дочерью моей?
 „Чей подвигъ будешъ не напрасенъ,
 „Тому — терзайся, плачь, злодѣй!
 „Не могъ сберечь жены своей! —
 „Тому я дамъ ее въ супруги
 „Съ пол-царствомъ прадѣловъ моихъ.
 „Кто же вызовенъ, дѣши, други? . . .“
 — Я! молвилъ гореспинный женихъ.
 — „Я! я! воскликнули съ Рогдаемъ
 Фарлафъ и радоспинный Раушпръ:
 Сей часъ коней своихъ сѣдлаемъ,
 Мы рады весь изъѣздить міръ.
 Отецъ нашъ! не продолжь разлуки!
 Не бойся: ѿдемъ за Княжной.“ —
 И съ благодарностью нѣмой
 Въ слезахъ, къnimъ просипраещъ руки
 Старикъ, измученный шокой.

Всъ чепверо выходяшъ вмѣстѣ;
 Русланъ уныньемъ какъ убить;
 Мысль о потерянной невѣстѣ
 Его шерзаєшъ и мертвить.
 Садяшся на коней репивыхъ,
 Вдолъ береговъ Днѣпра счастливыхъ
 Лепляшъ въ клубящейся пыли;
 Уже скрываюшся вдали,
 Ужъ всадниковъ невидно болѣ....
 Но долго все еще глядитъ
 Великій Князь въ пустое поле,
 И думой имъ во слѣдъ лепитъ.

Русланъ томился молчаливо,
 И смыслъ и память потерявшъ.
 Черезъ плечо глядя спѣсиво
 И важио подбочась, Фарлафъ
 Надувшишь, ѿхалъ за Русланомъ.
 Онъ говоришъ: „на силу я
 „На волю вырвался, друзья!
 „Ну скоро ль встрѣчусь съ великаниомъ?
 „Ужъ то-то крови будешъ пачь,
 „Ужъ то-то жерпвъ любви ревнивой !
 „Повеселись, мой вѣрный мечъ,
 „Повеселись, мой конь репивой!“

Хазарскій Ханъ, въ умъ своёмъ
 Уже Людмилу обнимая,
 Едва не пляшешь надъ съдломъ;
 Въ немъ кровь играешь молодая,
 Огня надежды полонъ взоръ:
 То скачешь онъ во весь опоръ,
 То дразнишь бѣгуна лихова,
 Кружишь, подъемлешь на дыбы,
 Иль дерзко мчишь на холмы снова. —
 Рогдай угрюмъ, молчишь — ни слова —
 Спрашась невѣдомой судьбы,
 И мучась ревносью напрасной
 Всѣхъ больше беспокоенъ онъ;
 И часио взоръ его ужасной
 На Князя мрачно устремлёнъ.

Соперники одной дорогой
 Все вмѣстѣ Ѣдуши Ѣлый день;
 Диѣпра спаль шемень брегъ оплой;
 Съ воспока льется ночи пѣнь;
 Туманы надъ Диѣпромъ глубокимъ;
 Пора конямъ ихъ отдохнуть.
 Вопль подъ горой пушемъ широкимъ
 Широкій перескся путь.
 „Разъѣдемся! пора!“ сказали,

Безвѣснной вѣримся судьбѣ.“
 И каждый конь, не чуя спали,
 По волѣ путь избралъ себѣ.
 Что дѣлаешь, Русланъ несчастный,
 Одинъ въ пустынной тишинѣ?
 Людмилу, свадьбы день ужасный,
 Все, мнишся, видѣль ты во снѣ.
 На брови мѣдный шлемъ надвинувъ,
 Изъ мощныхъ рукъ узду покинувъ,
 Ты шагомъ ѿдешь мяжъ полей,
 И медленно въ душѣ твоей
 Надежда гиблешь, гаснетъ вѣра.

Но вдругъ предъ вишняземъ пещера;
 Въ пещерѣ свѣтилъ. Онъ прямо къ ней
 Идетъ подъ дремлющіе своды,
 Ровесники самой природы.
 Вошелъ съ уныньемъ — чибо-же зрячъ?
 Въ пещерѣ старецъ, ясный видъ,
 Спокойный взоръ, брада сѣдая;
 Лампада передъ нимъ горитъ;
 За древней книгой онъ сидитъ,
 Ее внимательно читая.
 „Добро пожаловать, мой сынъ!“
 Сказалъ съ улыбкой онъ Руслану:

„Ужь двадцать лѣтъ я здѣсь одинъ
 Во мракѣ старой жизни вяну;
 Но наконецъ — дождался дня,
 Давно предвидѣнаго мною.
 Мы вмѣстѣ сведены судьбою;
 Садись и выслушай меня.
 Русланъ! лишился ты Людмилы;
 Твой твердый духъ теряетъ силы;
 Но зла промчавшися быстрый мигъ :
 Навремя рокъ тебя постигъ.
 Съ надеждой, вѣрою веселой
 Иди на все — не унывай!
 Впередъ! мечемъ и грудью смѣлой
 Свой путь на полночь пробивай!

„Узнай, Русланъ! твой оскорбитель
 Болтебникъ спрашный Черноморъ,
 Красавицъ давній похититель,
 Полнощныхъ обладаштель горъ.
 Еще ни чей въ его обитель
 Не проникалъ донынѣ взоръ;
 Но ты, злыkhъ козней испребитель,
 Въ нее ты вступишь, и злодѣй
 Погибнешь опь руки твоей.
 Тебѣ сказать не долженъ болѣ :

Судьба швоихъ грядущихъ дней,
Мой сынъ, въ пивоей ошины волѣ.,,

Нашъ Витязь спарцу паль къ ногамъ,
И въ радосии лобзаетъ руку.
Свѣтлѣеть міръ его очамъ —
И сердце позабыло муку.
Вновь ожилъ онъ — и вдругъ опять
На вспыхнувшемъ лицѣ кручина....
— „Ясна шоски швоей причина,
Но грустнъ не трудно разогнать,
Сказаль спарикъ: шебѣ ужасна
Любовь сѣдаго колдуна;
Спокойся — знай, она напрасна,
И юной дѣвѣ не спрашна.
Онъ звѣзды сводилъ съ небосклона,
Онъ свиснетъ — задрожитъ луна;
Но пропивъ времени закона
Его наука не сильна.
Ревнивый, препепный хранитель
Замковъ безжалостныхъ дверей,
Онъ шолько немощный мучитель
Прелестной пленницы своей.
Вокругъ нее онъ молча бродитъ,
Клянеть жеснокій жребій свой....

Но, добрый витязь, день проходитъ,
А нужень для шебя покой. —

Русланъ на мягкой мохъ ложился
Предъ умирающимъ огнѣмъ;
Онь ищещь позабыться сномъ,
Вздыхаешь, медленно вершишся....
Напрасно! Витязь наконецъ:
„Не спишишся чтио-што, мой отецъ!
Чтио дѣлать! боленъ я душою,
И сонъ не въ сопъ, какъ тошно жить.
Позволь мнѣ сердце освѣжишьъ
Твоей бесѣдою святою.
Прости мнѣ дерзостный вопросъ.
Откройся — кто ты, благодатный ,
Судьбы наперсникъ непонятный?
Въ пустыню кто шебя занесъ?“ —

Вздохнувъ съ улыбкою печальной,
Старикъ въ отвѣтъ: „любезный сынъ,
Ужъ я забылъ отчизны дальний
Угрюмый край. Природный Финъ,
Въ долинахъ, намъ однимъ извѣстныхъ.
Гоняя стадо сель окрестныхъ,
Въ безпечной юности я зналъ

**Однѣ дремучія дубравы,
Ручы, пещеры нашихъ скаль,
Да дикой бѣдности забавы.
Но жить въ отрадной тишинѣ
Дано не долго было мнѣ.**

Тогда близъ нашего селенья,
Какъ милый цвѣтъ уединенья,
Жила Наина. Межъ подругъ
Она гремѣла красотою.
Однажды упренней порою
Свои спада на темный лугъ
Я гналъ, волынку надувая;
Передо мной шумѣлъ попокъ.
Одна красавица младая
На берегу плела вѣнокъ.
Меня влекла моя судьбина . . . . .
Ахъ, вишнѣзъ, что была Наина!
Я къ ней — и пламень роковой
За дерзкій взоръ мнѣ бытъ наградой,
И я любовь узналъ душой
Съ ея небесною отрадой,
Съ ея мучительной тоской.

Умчалась года половина;
Я съ трепетомъ опкрылся ей,

Сказаль: люблю тебя, Нания,
Но робкой горестии моей
Нания съ гордостью внимала,
Лишь прелести свои любя;
И равнодушно ошивъчала;
Паспухъ, я не люблю тебя!

И все миѣ дико, мрачно спало:
Родная куща, шѣнь дубровъ,
Веселы игры паспуховъ —
Ничто шоски не упѣшало.
Въ уныныи сердце сохло, вяло.
И наконецъ задумалъ я
Оспавши Финскія поля;
Мореї невѣрныя пучины
Съ дружиной брашской переплыть,
И бранной славой заслужить
Вниманье гордое Наниы,
Я вызвалъ смѣыхъ рыбаковъ
Искать опасностей и злата.
Впервые шихій край отцовъ
Услышалъ браиний звукъ булаты
И шумъ немирныхъ членоковъ.
Я вдаль уплыть, надежды полный
Съ полной безстрашныхъ земляковъ;

Мы десять лѣтъ снѣга и волны
 Багрили кровію враговъ.
 Молва неслась — Цари чужбины
 Спрашивались дерзости моей;
 Ихъ горделивые дружины
 Бѣжали съверныхъ мечей;
 Мы весело, мы грозно бились,
 Дѣлили дани и дары,
 И съ побѣденными садились
 За дружелюбные пиры.
 Но сердце, полное Напной,
 Подъ шумомъ битвы и пирозъ
 Томилось шайною кручиной,
 Искalo Финскихъ береговъ.
 Пора домой, сказалъ я, други!
 Повѣсимъ праздные кольчуги
 Подъ сѣнью хижинъ родной.
 Сказалъ — и весла зашумѣли;
 И страхъ оставилъ за собой,
 Въ заливъ опчины дорогой
 Мы съ гордой радостью влѣтѣли.
 Сбылись давнишнія мечты,
 Сбылись пылкія желанья!
 Минута сладкаго свиданья,
 И для меня блеснула ты!

Къ ногамъ красавицы надменной
 Принесъ я мечъ окровавленной,
 Кораллы, злаки и жемчугъ;
 Предъ нею, спрасшю упоенный,
 Безмолвнымъ роемъ окруженный
 Ея зависивыхъ подругъ,
 Спояль я пленникомъ послуженнымъ;
 Но дѣва скрылась отъ меня,
 Промолвя съ видомъ равнодушнымъ:
 Герой! я не люблю шебя!

Русланъ, не знаешь ты мученья
 Любви, отверженной на вѣкъ.
 Увы! ты не сносишь презрѣнья,
 И чи то же, спранный человѣкъ!
 И ты жъ щоскою сердце губишь.
 Счастливецъ! ты любимъ, какъ любишь.

Къ чему разеказывать, мой сынъ,
 Чего пересказать нѣшь силы?
 Ахъ! и теперь одинъ, одинъ,
 Душой уснувъ, въ дверяхъ могилы,
 Я помню горестъ, и порой,
 Какъ о миаувшемъ мысль родился,

По бородѣ моей сѣдой
 Слеза тяжелая кипитъся.
 Но слушай: въ родинѣ моей
 Между пустынныхъ рыбарей
 Наука дивная шатится.
 Подъ кровомъ вѣчной тишины,
 Среди лѣсовъ, въ глухи далёкой
 Живутъ сѣдые колдуны;
 Къ ученью мудрости высокой
 Всѣ мысли ихъ успремлены;
 Все вниманіе голосъ ихъ ужасный,
 Что было и чѣо будеъ вновь,
 И грозной волѣ ихъ подвластны
 И гробъ и самая любовь.

И я — любви искашель жадной —
 Рѣшился въ грустнѣ безопрадной
 Наину чарами привлечь,
 И въ гордомъ сердцѣ дѣвы хладной
 Любовь волшебницами зажечь.
 Спѣшилъ въ объятія свободы,
 Въ уединенный мракъ лѣсовъ;
 И шамъ, въ ученыи колдуновъ,
 Провелъ невидимые годы.
 Наспѣшъ давно желанный мигъ,

И шайну спрашную природы
 Я свѣшлой мыслю поспигъ —
 Узналь я силу заклинаньямъ.
 — Вѣнецъ любви! вѣнецъ желаньямъ!
 Теперь, Наина, ты моя!
 Побѣда наша! думалъ я.
 Но въ самомъ дѣлѣ побѣдитель
 Былъ Рокъ, упорный мой гонитель.

Въ надеждѣ сладостныхъ наградъ,
 Въ воспогрѣ пылкаго желанья,
 Творю поспѣшино заклинанья,
 Зову духовъ — и виноватъ! —
 Безумный, дерзоспинный грабитель,
 Доспойный Черномора бранъ,
 Я спасъ Наины похититель.
 Лишь загадаль — во шмѣ лѣсной
 Стрѣла промчалась громовая,
 Волшебный вихорь поднялъ вой,
 Земля вздрогнула подъ ногой . . .
 И вдругъ сидитъ передо мной
 Старунка дряхлая, сѣдая,
 Глазами впалыми сверкая,
 Съ горбомъ, съ прысучей головой—
 Печальной ветхости картина —

Ахъ, винзъ! шо была Наина! . . . .
 Я ужаснулся и молчалъ,
 Глазами спрашный призракъ мѣрилъ,
 Въ сомнѣнии все еще не вѣрилъ,
 И вдругъ заплакалъ, закричалъ:
 Возможно ль! ахъ, Наина! ты ли?
 Наина! гдѣ твоя краса?
 Скажи, ужели небеса
 Тебя такъ спрашно измѣнили?
 Скажи, давно ль оставя свѣтъ
 Разспался я съ душой и съ милой?
 Давно ли?...— „Ровно сорокъ лѣтъ,
 Былъ дѣвъ роковой опѣтъ:
 Сегодня семидесять мнѣ било.
 Что дѣлашь! мнѣ пищипъ она,
 Толпою годы пролетѣли,
 Прошла моя, твоя весна —
 Мы оба постарѣть успѣли.
 Но чѣмъ же! право не бѣда
 Невѣрной младости упраша.
 Конечно, я теперь сѣда,
 Немножко можешь бытъ горбата;
 Не что въ спарину была,
 Не такъ жива, не такъ мила;

За то, (прибавила болтунья),
Опакрою тайну: я колдунья!“

И было въ самомъ дѣлѣ такъ.
Нѣмой, недвижный передъ нею,
Я совершенный былъ дуракъ
Со всей премудростью моей.

Но вошь забавно: колдовство
Вполнѣ свершилось по несчастью.
Мое сѣдое божество
Ко мнѣ пытало сильной спрастю.
Могильнымъ голосомъ уродъ,
Скрививъ улыбкой спрашивый роптъ,
Бормоченіе мнѣ любви признанье.
Вообрази мое спраданье!
Я препеталъ, попкуя взоръ;
Она же съ кашлемъ продолжала
Тяжелый, спраспинный разговоръ:
„Такъ, сердце я теперь узнала,
Я вижу, вѣрный другъ, оно
Для иѣжной спрастки рождено;
Проснулись чувства, я стараю,
Томлюсь желаньями любви....

Приди въ объятія мои....
О милый, милый! умираю . . . .“

И между шѣмъ она, Русланъ,
Косилась шомными глазами;
И между шѣмъ за мой кафтанъ
Держалась тощими руками;
И между шѣмъ — я обмиралъ,
Онъ ужаса зажмуря очи;
И вдругъ терпѣшь не спало мочи;
Я съ крикомъ вырвался, бѣжалъ.
Она во слѣдъ: „о недостойный!
Ты возмутилъ мой вѣкъ спокойный,
Невинной дѣвы ясны дни!
Добился ты любви Наины,
И презираешь — вонъ мушкины!
Измѣнной дышунъ всѣ они!
Увы! сама себя вини;
Онъ обольстилъ меня, несчастной!
Я отдалась любви спраслиной...,
Измѣнникъ! извергъ! о позоръ!
Но пропеши, дѣвичій воръ!“

Такъ мы разспались. Съ этихъ поръ
Живу въ моемъ уединеньѣ

Съ разочарованной душой;
 И въ міръ спарцу ушъшенъе
 Природа, мудрость и покой.
 Уже зовешь меня могила,
 Но чувства прежнія свои
 Еще спарушка не забыла,
 И пламя позднею любви
 Съ досады въ злобу превратила.
 Душою черной зло любя,
 Колдунья спарава конечно
 Возненавидишь и тебя;
 Но горе на земль не вѣчно." —

Нашъ витязь съ жадностью внималъ
 Рассказы спарца; ясны очи
 Дремотой легкой не смыкалъ,
 И тихаго полета ночи
 Въ глубокой думѣ не слыхалъ.
 Но день блестаешь лучезарный....
 Со вздохомъ витязь благодарный
 Объемлетъ спарца колдуна;
 Душа надеждою полна;
 Выходишь воль. Ногами списнуль
 Русланъ заржавшаго коня;
 Въ сѣдахъ оправился, присвистнуль:

„Опчецъ мой, не оставь меня!“ —
И скакешь по пустому лугу.
Съдой мудрецъ младому другу
Кричишъ востъдъ: „счастливый путь!
Просни! люби свою супругу,
Совѣтовъ спарца не забудь!“

РУСЛАНЪ и ЛЮДМИЛА,

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

Соперники въ искуствѣ браны,
Не знайше мира межъ собой;
Несище мрачной славѣ дани ,
И упивайшесь враждой!
Пусть міръ предъ вами цепенѣеть,
Дивяся грознымъ торжествамъ:
Никто объ васъ не пожалѣеть,
Никто не помѣшаєть вамъ.
Соперники другаго рода ,
Вы, рыцари Парнасскихъ горъ,
Старайшесь не смышишь народа
Нескромнымъ шумомъ вашихъ ссоръ;
Бранишесь — только оспорожно.
Но вы, соперники въ любви,
Живище дружно, если можно!
Повѣрише миъ, друзья мои,
Кому судьбою непремѣнной
Дѣвичье сердце суждено ,
Топъ будешъ милъ на зло вселенной;
Сердитшися глупо и грѣшно.
Ужели Богъ намъ далъ одно

Въ подгунномъ мірѣ наслажденье?
 Вамъ оспаюшся въ упышенье
 Война и Музы и вино.

Когда Рогдай неукрошимый,
 Глухимъ предчувствуемъ помимый,
 Оставя спутниковъ своихъ,
 Пуспился въ край уединенный
 И ъхаль межъ пустынь лѣсныхъ,
 Въ глубоку думу погруженный —
 Злой духъ превожилъ и смущалъ
 Его яоскующую душу,
 И вишязь пасмурный шепталъ:
 „Убью!.... преграды всѣ разрушу....
 Русланъ!.... узнаешь ты меня....
 Теперь-то дѣвица поплачешь . . .“
 И вдругъ, поворотивъ коня,
 Во весь опоръ назадъ онъ скачешъ.

Въ то время доблестный Фарлафъ,
 Все ушро сладко подремавъ,
 Укрывшись оль лучей полдневныхъ,
 У ручейка, наединѣ,
 Для подкрепленья силь душевыхъ,
 Обѣдалъ въ мирной пишии.

Какъ вдругъ, онъ видитъ, кто-то въ полѣ
 Какъ буря, мчитсѧ на конѣ;
 И времени не шратя болѣ,
 Фарлафъ, покинувъ свой обѣдъ,
 Копье, кольчугу, шлемъ, перчатки,
 Вскочилъ въ сѣдло - и безъ оглядки
 Лепитъ — а тошь за нимъ во слѣдъ.
 „Остановись, бѣглецъ безчестный!
 Кричитъ Фарлафу неизвѣстный.
 Презрѣнныи! дай себя догнать!
 Дай голову съ шея сорвать!“
 Фарлафъ, узнавши гласъ Рогдая,
 Со спраха скрочась, обмиралъ ;
 И вѣрной смерти ожидаю,
 Коня еще быстрѣе гналъ.
 Такъ точно заяцъ торопливой,
 Прижавши уши боязливо,
 По кочкамъ, полемъ, сквозь лѣса
 Скачками мчитсѧ ошо пса.
 На мѣстѣ славнаго побѣга
 Весной расцвѣтеннаго сиѣга
 Попоки мушиные шекли
 И рыли влажну грудь земли.
 Ко рву примчался конь решивой,
 Взмахнулъ хвостомъ и бѣлой гривой,

Бразды спальныя закусилъ,
 Взвился — и вмигъ перескочилъ ;
 Но робкій всадникъ вверхъ ногами
 Свалился шажко въ грязный ровъ ,
 Земли не взвидалъ съ небесами ,
 И смерть принялъ ужь быль гоповъ.
 Рогдай къ оврагу подлещаешь ;
 Жестокій мечъ ужь занесенъ ;
 Погибни , прусъ ! умри ! вѣщаешь . . . .
 Вдругъ узнаешь Фарлафа онъ ;
 Глядитъ , и руки опустились ;
 Досада , изумленье , гнѣвъ
 Въ его черпахъ изобразились ;
 Скрыпя зубами , онѣмѣвъ ,
 Герой съ поникшою главою
 Скорѣй опѣхавши онъ рва ,
 Бѣсался . . . . но едва , едва
 Самъ не смялся надъ собою .

Тогда онъ вспрѣшилъ подъ горой
 Спарушечку чупъ чупъ живую ,
 Горбатую , совсѣмъ сѣдую ,
 Она дрожащею клюкой
 Ему на сѣверъ указала ,
 Ты шамъ найдешь его , сказала ,

Рогдай весельемъ закипѣль
И къ вѣрной смерши полетѣль.

А нашъ Фарлафъ? Во рву оспался,
Дохнуши не смѣя; про себя
Онъ, лежа, думалъ: живъ-ли я?
Куда соперникъ злой дѣвался?
Вдругъ слышишь прямо надъ собой
Старухи голосъ гробовой;
„Вспашь, молодецъ; все тихо въ полѣ;
„Ты никого не встрѣтиши болѣ;
„Я привела тебѣ коня,
„Вспавай, послушайся меня.“

Смущенный витязь по неволѣ
Ползкомъ оставилъ грязный ровъ;
Окрестность робко озирая,
Вздохнулъ, и молвилъ оживая:
„Ну слава Богу! я здоровъ!“

„Повѣрь! старуха продолжала:
„Людмилу мудрено сыскать;
„Она далеко забѣжала;
„Не намъ съ тобой ее доспать.
„Опасно разъѣзжать по свѣту;

„Ты, право, будешь самъ не радъ.
 „Послѣдуй моему совѣту,
 „Сступай тихохонько назадъ.
 „Подъ Киевомъ, въ уединеньѣ,
 „Въ свое мѣсто наслѣдственномъ селеньѣ
 „Оспанься лучше безъ заботъ:
 „Опѣтъ насъ Людмила не уйдѣтъ.“ —

Сказавъ, исчезла. Въ нешерѣнѣи
 Благоразумный нашъ Герой
 Тотчасъ отправился домой,
 Сердечно позабывъ о славѣ
 И даже о Княжнѣ младой;
 И шумъ малѣйшій по дубравѣ,
 Полетѣ синицы, ропотъ водъ
 Его бросали въ жаръ и въ потъ.

Межъ тѣмъ Русланъ далеко мчился,
 Въ глухи лѣсовъ, въ глухи полей
 Привычной думою спремися
 Къ Людмилѣ, радости своей,
 И говорилъ: найду ли друга?
 „Гдѣ ты, душа моей супруга?
 „Увижу ль я твой свѣплый взоръ?
 „Услышу ль нѣжный разговоръ!

„Иль суждено, чтобъ чародѣя
 „Ты вѣчной пленницей была,
 „И скорбной дѣвою спарѣя,
 „Въ темнице мрачной ошѣвѣла?
 „Или соперникъ дерзновенный
 „Придешь?... Нѣшь, нѣшь, мой другъ безцѣнныи,
 „Еще при мнѣ мой вѣрный мечъ,
 „Еще глава не пала съ плечь.“

Однажды, темною порою,
По камнямъ берегомъ крутымъ
Нашъ вишнязъ щахъ надъ рѣкою.
Все утихало. Вдругъ за нимъ
Стрѣлы мгновенное жужжанье,
Кольчуги звонъ и крикъ и ржанье
И топотъ по полю глахой.
Стой! грянуль голосъ громовой.
Онъ оглянулся: въ полѣ чистомъ
Поднявъ копье, лешилъ со свистомъ
Свирѣпый всадникъ, и грозой
Помчался Князь ему на встрѣчу.
 „Ага! догналъ шебя! постой!“
Кричнаго наѣздника удалой:
 „Готовъся, другъ на смертну сѣчу;
 „Теперь ложись средь здѣшнихъ мѣстъ;

„А шамъ ищи своихъ невѣспъ.“
 Русланъ вспылаль, вздрогнуль отъ гиѣва;
 Онъ узнаешьъ сей буйный гласъ . . . .

Друзья мои! а наша дѣва?
 Оспавимъ вишлазей на часъ;
 Объ нихъ опять я вспомню вскорѣ.
 А шо давно пора бы мнѣ
 Подумашь о младой Княжнѣ
 И объ ужасномъ Черноморѣ.

Моей причудливой Мечты
 Наперникъ иногда нескромной,
 Я рассказалъ, какъ ночью шёмной
 Людмилы нѣжной красопы
 Отъ воспаленного Руслана
 Сокрылись вдругъ среди шумаиа.
 Несчастная! когда злодѣй,
 Рукою мощною своей
 Тебя сорвавъ съ поспели брачной,
 Взвился, какъ вихорь, къ облакамъ
 Сквозь шляжкій дымъ и воздухъ мрачной,
 И вдругъ умчалъ къ своимъ горамъ —
 Ты чувствъ и памяти лишилась
 И въ спрашномъ замкѣ колдуна

Безмолвна, трепетна, бледна,
Въ одно мгновенье очутилась.

Съ порога хижины моей
Такъ видѣлъ я, средь лѣпихъ дней,
Когда за курицей пруссивой
Султанъ куряшника спѣсивой,
Пѣщухъ мой по двору бѣжалъ
И сладострасными крылами
Уже подругу обнималь;
Надъ ними хипрыми кругами
Цыплятъ селенъя спарый воръ,
Пріявъ губительныя мѣры,
Носился, плавалъ коршуниъ сѣрый,
И палъ какъ молнія на дворъ.
Взвился, лепицъ. Въ когтяхъ ужасныхъ
Во шму разсѣлинъ безопасныхъ
Уносить бѣдную злодѣй.
Напрасно, гореспью своей
И хладнымъ страхомъ пораженный,
Зоветъ любовницу пѣщухъ . . .
Онъ видилъ лишь лепучій пухъ,
Лепучимъ вѣромъ запесенный.
До утра юная Княжна
Лежала, пягостнымъ забвеньемъ

Какъ будшо страшнымъ сновидѣньемъ
 Объята — наконецъ она
 Очнулась, пламеннымъ волненiemъ
 И смущеннымъ ужасомъ полна,
 Душой лепшишъ за наслажденьемъ,
 Кого-то ищещъ съ упоенiemъ;
 Гдѣ жъ милый, шепчешъ, гдѣ супругъ?
 Зоветъ и помертвѣла вдругъ.
 Глядитъ съ боязнью вокругъ:
 Людмила! гдѣ твоя свѣтица?
 Гдѣ ложе радосни младой?
 Одна, съ ужасной шишиной
 Лежитъ несчастная дѣвица
 Среди подушекъ пуховыхъ,
 Подъ гордой сѣнью балдахина;
 Завѣсы, пышная перина
 Въ кисняхъ, въ узорахъ дорогихъ;
 Повсюду шкани парчевые;
 Играютъ яхонты, какъ жаръ;
 Кругомъ курильницы златыя
 Подъемлюшъ ароматный паръ;
 Вездѣ . . . . но благо мнѣ не надо
 Описывать волшебный домъ;
 Уже давно Шехеразада
 Меня предупредила въ шомъ.

Но свѣтлый шеремъ — не отрада,
 Когда не видимъ друга въ нёмъ.
 Вы знаете, что наша дѣва
 Была одѣша въ эпоу ночь,
 По обстоятельствамъ, почь въ почь
 Какъ наша прабабушка Ева. —
 Нарядъ невинный и проспой!
 Нарядъ Амура и природы!
 Какъ жаль, что вышелъ онъ изъ моды!
 Предъ изумленною Княжной
 Три дѣвы, красомы чудесной,
 Въ одеждѣ легкой и прелестной
 Явились, молча подошли,
 И поклонились до земли.
 Тогда — неслышными шагами
 Одна поближе подошла;
 Княжнѣ воздушными перстами
 Златую косу заплела
 Съ искусствомъ, въ наши дни не новымъ,
 И обвила вѣнцомъ перловымъ
 Окружность бѣдного чела.
 За нею, скромно взоръ склоняя,
 Потомъ приблизилась другая;
 Лазурный, пышный сарафанъ
 Одѣль Людмилы спройный спанъ,

Покрылись кудри золотыя,
 И грудь и плечи молодыя
 Фатой, прозрачной какъ шуманъ.
 Покровъ зависливый лобзаешь
 Красы, достойныя небесъ,
 И обувь легкая сжимаешь
 Двѣ ножки, чудо изъ чудесъ.
 Княжнъ послѣдняя девица
 Жемчужный поясъ подаешь.
 Межъ пѣмъ, незримая пѣвица
 Веселы пѣсни ей поешь.
 Увы! ни камни, ожерелья,
 Ни сарафанъ, ни перловъ рядъ,
 Ни пѣсни лесни и веселья
 Ея души не веселяшъ;
 Напрасно зеркало рисуешь
 Ея красы, ея нарядъ;
 Попупя неподвижный взглядъ,
 Она молчишъ, она покусуешь.

Ты, кои правду возлюбя
 На темномъ сердца днѣ читали,
 Конечно знаешь про себя,
 Что если женщина въ печали
 Сквозь слезъ, украдкой, какъ нибудь

На зло привычкѣ и разсудку,
 Забудешь въ зеркало взглянуть —
 То грустно ей ужъ не на шутку.

Но вотъ Людмила вновь одна.
 Не зная что начинъ, она
 Къ окну рѣшепчату подходитъ,
 И взоръ ея печально бродитъ
 Въ проспранствѣ пасмурной дали.
 Все мершво. Сиѣжныя равнины
 Коврами яркими легли;
 Стоящій угрюмыхъ горъ вершины
 Въ однообразной бѣлизнѣ,
 И дремлющій въ вѣчной птишинѣ;
 Кругомъ не видно дымной кровли,
 Не видно пупника въ сиѣгахъ,
 И звонкій рогъ веселой ловли
 Въ пустынныхъ не трубитъ горахъ;
 Лишь изрѣдка съ унылымъ свистомъ
 Буншуеетъ вихоръ въ полѣ чистомъ,
 И на краю сѣдыхъ небесъ
 Качающій обнаженный лѣсъ.

Въ слезахъ отчаянья, Людмила
 Опѣ ужаса лицѣ закрыла.

Увы! что ждешь ее теперь?
 Быжись въ серебрянную дверь;
 Она съ музыкой отворилась,
 И наша дева очутилась
 Въ саду. Пленительный предѣль!
 Прекраснѣе садовъ Армиды
 И пѣхъ, которыми владѣль
 Царь Соломонъ, иль Князь Тавриды!
 Роскошно зыблются, шумятъ
 Великолѣпныя дубровы;
 Аллеи пальмъ и лѣсь лавровый,
 И благовонныхъ миртовъ рядъ,
 И кедровъ гордяя вершины,
 И золотые апельсины
 Зерцаломъ водъ отражены;
 Пригорки, рощи и долины
 Весны огнемъ оживлены;
 Съ прохладой вѣшися вѣтеръ Майскій
 Средь очарованныхъ полей;
 И свищепъ соловей Кипайскій
 Во мракѣ трепетныхъ вѣтвей;
 Лепятъ алмазные фонтаны
 Съ веселымъ шумомъ къ облакамъ;
 Подъ ними блещутъ испущаны,
 И мнишися, живы; Фидій самъ

Питомецъ Феба и Паллады,
 Любуюсь ими, наконецъ
 Свой очарованный рѣзецъ
 Изъ рукъ бы выронилъ съ досады.
 Дробясь о мраморны преграды,
 Жемчужной, огненной дугой
 Валившися, плещущъ водопады;
 И ручейки въ шѣни лѣсной
 Чуши выющся сонною волной.
 Пріютъ покоя и прохлады,
 Сквозь вѣчну зелень здѣсь и тамъ
 Мелькающъ свѣтлая бесѣдки;
 Повсюду розъ живыя вѣшки
 Цвѣтуши и дышущъ по пропамъ,
 Усыянныемъ пескомъ алмазнымъ;
 Игравымъ и разнообразнымъ
 Волшебствомъ дивный садъ блескишъ.
 Но безупрѣшная Людмила
 Идешъ, идешъ и не глядишъ;
 Ей роскошь свѣтлая постыла,
 Ей грустенъ нѣги пышной видъ;
 Куда, сама не зная, бродили,
 Волшебный садъ кругомъ обходишь,
 Свободу горькимъ давъ слезамъ,
 И взоры мрачные возводишь

Къ неумолимымъ небесамъ.
 Вдругъ освѣтился взоръ прекрасный;
 Къ успамъ она прижала перстъ;
 Казалось, умысель ужасный
 Раждался. . . . спрашивай путь ошверспъ:
 Высокій моспикъ надъ потокомъ
 Предъ ней виситъ на двухъ скалахъ;
 Въ унынѣ тяжкомъ и глубокомъ
 Она подходитъ — и въ слезахъ
 На воды шумныя взглянула,
 Ударила, рыдая, въ грудь,
 Въ волнахъ рѣшилась утонуть —
 Однако въ воды не прыгнула
 И далъ продолжала путь.

О люди, странныя созданья!
 Межъ пѣмъ, какъ тяжкія страданья
 Тревожашъ, убивающъ васъ,
 Обѣда лишь наступить часъ —
 И вмигъ вамъ жалобно доноситъ
 Пустой желудокъ о себѣ,
 И имъ заняться тайно проснитъ.
 Чѣо скажемъ о такой судьбѣ?

И ты, прекрасная Людмила,
 По солнцу бѣгая съ упра,

Успала, слёзы осушила,
 Въ душѣ подумала: пора!
 На шправку съла, оглянулась —
 И вдругъ надъ нею сънь шапра,
 Шумя, съ прохладой развернулась ;
 Обѣдъ роскошной передъ ней;
 Приборъ изъ яркаго крисшалла;
 И въ шишинѣ изъ за вѣтвей
 Незрима арфа заиграла.
 Дивится пленная Княжна,
 Но впайнѣ думаешь она:
 „Вдали опь милаго, въ неволѣ
 Зачѣмъ мнѣ жить на свѣтѣ болѣ?
 О ты, чья гибельная сѣрасль
 Меня терзаешь и леїешь,
 Мнѣ не спрашна злодѣя власль :
 Людмила умереть умѣешь!
 Не нужно мнѣ твоихъ шапровъ,
 Ни скучныхъ пысень, ни пировъ —
 Не стану ъесть, не буду слушать,
 Умру среди твоихъ садовъ! — “
 Подумала — и спала кушать.

Княжна вспаетъ, и вмигъ шапёръ,
И пышной роскоши приборъ

И звуки арфы . . . . все пропало;
 По прежнему все тихо спало;
 Людмила вновь одна въ садахъ
 Скипаетъ изъ рощи въ рощи;
 Межъ тѣмъ въ лазурныхъ небесахъ
 Плынетъ луна, царица нощи;
 Находитъ мгла со всѣхъ споронъ
 И тихо на холмахъ почила;
 Княжну невольно клонитъ сонъ,
 И вдругъ невѣдомая сила
 Нѣжній, чѣмъ вешній вѣтерокъ,
 Ее на воздухъ поднимаетъ,
 Несетъ по воздуху въ чершогъ,
 И осторожно опускаетъ
 Сквозь єиміамъ вечернихъ розъ
 На ложе груспи, ложе слёзъ.
 Три дѣвы вмигъ опять явились
 И вкругъ ее засуетились,
 Чтобъ на ночь пышный спать уборъ;
 Но ихъ унылый, смущный взоръ
 И принужденное молчанье
 Являли втайне состраданье
 И немощный судьбамъ укоръ.
 Но поспѣшимъ: рукой ихъ нѣжной
 Раздѣла сонная Княжна;

Прелестна прелестью небрежной,
 Въ одной сорочкѣ блоснѣжной
 Ложится почивашь она.
 Со вздохомъ дѣвы поклонились,
 Скорѣй какъ можно удалились ,
 И шихо пришворили дверь.
 Чѣто жъ наша пльнница теперъ!
 Дрожишь какъ листъ, дохнушъ не смѣешъ;
 Хладьюшъ перси, взоръ шемиѣшъ;
 Мгновенный сонъ опъ глазъ бѣжишъ;
 Не спишъ, удвоила вниманье,
 Недвижно въ шемноту глядипъ....
 Все мрачно! мертвое молчанье!
 Лишь сердца слышшишь шрепетанье....
 И мнишся.... шепчепъ шишина;
 Идушъ — идушъ къ ея поспѣлѣ;
 Въ подушки прячешся Княжна —
 И вдругъ... о страхъ!.. и въ самомъ дѣлѣ
 Раздался шумъ; озарена
 Мгновеннымъ блескомъ шьма ночная,
 Мгновенно дверь отворена ;
 Безмолвно, гордо высступая,
 Нагими саблями сверкая,
 Араповъ длинный рядъ идешъ
 Попарно, чинно сколь возможно,

И на подушкахъ осторожно
 Сѣду бороду несешь;
 И входишь съ важносью за нею ,
 Подъявъ величественно шею ,
 Горбатый карликъ изъ дверей:
 Его-то головъ обришой
 И острой шапкою покрышой
 Принадлежала борода.
 Ужь онъ приближался: тогда
 Княжна съ поспели соскочила ,
 Сѣдаго карлу за колпакъ
 Рукою быстрой ухватила,
 Дрожащій подняла кулакъ ,
 И въ страхъ завизжала шакъ ,
 Что всѣхъ какъ громомъ оглушила.
 Трепеща , скорчился бѣднякъ ,
 Княжны испуганной блѣдиѣ;
 Заѣвши уши поскорѣе,
 Хопѣль бѣжать, и въ бородѣ
 Запутался, упалъ и бѣшлся;
 Вспашецъ, упалъ; въ шакой бѣдѣ
 Араповъ черный рой мяшется;
 Шумягъ, полкаются, бѣгутъ ,
 Хватаютъ колдуна въ охапку,

И вонъ распушывать несущъ,
Оставя у Людмилы шапку.

Но что-то добрый витязь нашъ?
Вы помните ль неждану вспрѣчу?
Бери свой быстрый карандашъ,
Рисуй, Орловскій, ночь и сѣчу!
При свѣтѣ трепетномъ луны,
Сразились витязи жестоко;
Сердца ихъ гнѣвомъ спѣснены,
Ужъ копья брошены далѣко,
Уже мечи раздроблены,
Кольчуги кровю покрыты,
Щиты прещапъ, въ куски разбиты . . .
Они схватились на коняхъ;
Взрывая къ небу черный прахъ,
Подъ ними борзы кони бьются,
Борцы, недвижно сплещены,
Другъ друга списнувъ, остаются,
Какъ бы къ сѣду пригвождены;
Ихъ члены злобой сведены;
Объяпты молча, костенѣють,
По жиламъ быстрый огнь бѣжитъ,
На вражьей груди грудь дрожитъ —
И вонъ колеблются, слабѣютъ —

Кому-то пасль! . . . . вдругъ винязъ мой,
 Вскипѣвъ, желѣзною рукой
 Съ сѣда наездника срываешьъ,
 Подъемлешъ, держишь надъ собой
 И въ волны съ берега бросаешьъ.
 Погибни! грозно возкликаешьъ;
 Умри, зависшникъ злобный мой!

Ты догадался, мой читатель,
 Съ кѣмъ былся доблестный Русланъ:
 То былъ кровавыхъ бишвъ искашель
 Рогдай, надежда Кіевлянъ,
 Людмилы мрачный обожатель.
 Онъ вдоль Днѣпровскихъ береговъ
 Искалъ соперника слѣдовъ;
 Нашель, наспигъ, но прежня сила
 Пишомцу бишвы измѣнила,
 И Руси древній удалецъ
 Въ пустынѣ свой нашель конецъ.
 И слышно было, что Рогдая
 Тѣхъ водъ Русалка молодая
 На хладны перси приняла,
 И щадно винязя лобзая,
 На дно со смѣхомъ увлекла.

И долго послѣ, ночью тѣмной,
Бродя близъ тихихъ береговъ,
Богатыря призракъ огромной
Пугалъ пустынныхъ рыбаковъ.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

РУСЛАНЪ и ЛЮДМИЛА,

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

Напрасно вы въ тѣни шалились
Для мирныхъ, счастливыхъ друзей,
Спихи мои! вы не скрылись
Ошь гнѣвныхъ зависши очей;
Ужь блѣдный крипикъ ей въ услугу,
Вопросъ мнѣ сдѣлалъ роковой:
Зачѣмъ Русланову подругу,
Какъ бы на смѣхъ ея супругу,
Зову и дѣвой и Княжной?
Ты видишь, добрый мой чишашель,
Тунгъ злобы черную печать!
Скажи, Зоилъ, скажи, предатель,
Ну какъ и что мнѣ отвѣчашь?
Краснѣй, несчастнѣй, Богъ съ шобою!
Краснѣй, я споришь не хочу;
Довольный тѣмъ, что правъ душою,
Въ смиренной крошкии молчу.
Но ты поймешь меня, Климена,
Потупиши томные глаза:
Ты жертва скучнаго Гимена . . .
Я вижу: щайнай слеза

Паденъ на спихъ мой, сердцу вняпный;
 Ты покраснѣла; взоръ погасъ;
 Вздохнула, молча . . . . . вздохъ поняпный!
 Ревнивецъ! бойся! близокъ часть;
 Амуръ съ Досадой своенравной
 Вступили въ смѣлый заговоръ,
 И для главы твоей безславной
 Головъ ужъ мсшишельный уборъ.

Ужъ упро хладное сіяло
 На шемъ полунощныхъ горъ;
 Но въ дивномъ замкѣ все молчало.
 Въ досадѣ скрыпой Черноморъ,
 Безъ шапки, въ упрениемъ халатѣ,
 Зѣвалъ сердито на кровати.
 Вокругъ брады его сѣдой
 Рабы штолпились молчаливы,
 И нѣжно гребень костяной
 Расчесывалъ ея извивы;
 Межъ пгмъ, для пользы и красы,
 На безконечные усы
 Лились вос точны ароматы,
 И кудри хипрыя вились;
 Какъ вдругъ, откуда ни возмись,
 Въ окно влетаетъ змій крылатый;

Гремя желѣзной чешуёй,
Онъ въ кольцы быстрыя согнулся,
И вдругъ Наиной обернулся
Предъ изумленною подпой.

— „Привѣтствую шебя, сказала,
Собрать, издавна читимый мной!
Досель я Черномора знала
Одною громкою молвой;
Но шайный рокъ соединяется
Теперь нась общею враждой;
Тебъ опасность угрожаетъ,
Нависла птица надъ тобой;
И голосъ оскорблennой чесчи
Меня къ опищенню зоветъ.“ —

Со взоромъ, полнымъ хищной лесини,
Ей карло руку подаетъ.
Вѣщая: „дивная Наина!
Миѣ драгоцѣнень швой союзъ.
Мы посрамимъ коварство Фина;
Но мрачныхъ козней не боюсь:
Прошивникъ слабый мнѣ не спрашень;
Узнай чудесный жребій мой:
Сей благодатной бородой
Не даромъ Черноморъ украшенъ.

Доколь власовъ ея сѣдыхъ
 Враждебный мечъ не перерубишъ,
 Никто изъ витязей лихихъ,
 Никто изъ смертныхъ не погубишъ
 Малъшихъ замысловъ моихъ;
 Моею будеши вѣкъ Людмила,
 Русланъ же гробу обречёнъ!“ —
 И мрачно вѣдьма повиорила:
 „Погибнешь онъ! погибнешь онъ!“
 Попомъ три раза пропищѣла,
 Три раза топнула ногой,
 И чернымъ зміемъ улецѣла.

Блиста въ ризѣ парчевой,
 Колдунъ, колдуньей ободренной,
 Развеселясь, рѣшился вновь
 Несши къ ногамъ дѣвицы плѣнной
 Усы, покорность и любовь.
 Разряженъ карликъ бородатый,
 Опять идешъ въ ея палаты;
 Проходишь длинный комната рядъ; —
 Княжны въ нихъ нѣшь! онъ далъ, въ садъ,
 Въ лавровый лѣсъ, къ рѣшеткѣ сада,
 Вдоль озера, вокругъ водопада,
 Подъ мостики, въ бесѣдки... нѣшь!

Княжна ушла! пропалъ и слѣдъ!
 Кто выразитъ его смущенье,
 И ревъ и трепетъ изспущенъя?
 Съ досады дня не взвидѣлъ онъ.
 Раздался карлы дикій спонъ:
 „Сюда, невольники! бѣгите
 Сюда! надѣюсь я на васъ!
 Сей часъ Людмилу миѣ сышите!
 Скорѣе! слышите ль? сей часъ!
 Не то — шупите вы со мною —
 Всѣхъ удавлю васъ бородою!“

Чишашель, разскажу ль тебѣ
 Куда красавица дѣвалась? —
 Всю ночь она своей судьбѣ
 Въ слезахъ дивилась и — смѣялась.
 Ее пугала борода,
 Но Черноморъ ужъ былъ извѣстенъ,
 И былъ смѣшонъ, а никогда
 Со смѣхомъ ужасъ несовмѣстенъ.
 На вспѣчу упренимъ лучамъ
 Постель оставила Людмила,
 И взоръ невольный обратила
 Къ высокимъ, чистымъ зеркаламъ;
 Невольно кудри золотыя

Съ лилейныхъ плечь приподняла;
 Невольно волосы гусиные
 Рукой небрежной заплела;
 Свои вчерашие наряды
 Нечаянно въ углу нашла;
 Вздохнувъ, одѣлась и съ досады
 Тихонъко плакать начала;
 Однако съ вѣрнаго стекла
 Вздыхая не сводила взора,
 И дѣвицѣ пришло на умъ,
 Въ волненіи своеенравныхъ думъ,
 Примѣришь шапку Черномора.
 Все тихо; никого здѣсь нѣть;
 Никто на дѣвушку не взглянетъ...
 А дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ
 Какая шапка не приспаниетъ!
 Рядицься никогда не лѣнь:
 Людмила шапкой завершѣла;
 На брови; прямо; на бекренъ,
 И задомъ на передъ надѣла.
 И чпо жъ? о чудо спарыхъ дней!
 Людмила въ зеркалѣ пропала!
 Перевернула — передъ ней
 Людмила прежняя предстала!
 Назадъ надѣла, — снова нѣть!

Сняла — и въ зеркалъ! „Прекрасно!
Добро, колдунъ! добро, мой свѣтъ!
Теперь мнѣ здѣсь ужь безопасно,
Теперь избавлюсь отъ хлопотъ!“
И шапку стараго злодѣя
Княжна, отъ радости красиѣя,
Надѣла задомъ на перёдъ.

Но возвратимся же къ герою.
Не спѣдно ль заниматься намъ
Такъ долго шапкой, бородою,
Руслана поручать судьбамъ?
Свершивъ съ Рогдаемъ бой жестокій,
Проѣхалъ онъ дремучій лѣсъ,
Предъ нимъ открылся долъ широкій,
При блескѣ утреннихъ небесъ.
Трепещетъ витязь по неволѣ:
Онъ видитъ старой битвы поле.
Вдали все пуски; здѣсь и шамъ
Желѣзныя кости; по холмамъ
Разбросаны колчаны, латы;
Гдѣ збруя, гдѣ заржавый щипъ;
Въ kostяхъ руки здѣсь мечъ лежитъ;
Травой обросъ шамъ шлемъ косматый
И старый черепъ шлѣпъ въ немъ;

*

Богатыря шамъ осипавъ цѣлый
Съ его поверженнымъ конемъ
Лежиши недвижный; копья, стрѣлы
Въ сырую землю вонзены,
И мирный плющъ ихъ обвиваешь....
Ничто безмолвной пинины
Пустыни сей не возмущаешь,
И солнце съ ясной вышины
Долину смерти озаряешь.

Со вздохомъ вишазъ вокругъ себя
Взираешь грустными очами.
,,О поле, поле! кто тебѧ
Усъяль мершвыми костями?
Чей борзый конь тебѧ топталъ
Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
Кто на тебѧ со славой паль?
Чьи небо слышало молитвы?
Зачемъ же, поле, смолкло ты
И поросло правой забвенья?.....
Временъ опь вѣчной темноты,
Быть можетъ, и вѣтъ и мнѣ спасенья!
Быть можетъ на холмѣ нѣмомъ
Поставяшъ тихій гробъ Руслановъ,

И спруны громкія Баяновъ
Не будущъ говоришъ объ нёмъ!“

Но вкорѣ вспомнилъ вишнязъ мой,
Что добрый мечъ герою нуженъ
И даже панцырь, а герой
Съ послѣдней битвы безоруженъ.
Обходишь поле онъ вокругъ;
Въ кусахъ, среди косиней забвенныхъ,
Въ громадѣ тлѣющихъ кольчугъ,
Мечей и шлемовъ раздробленныхъ
Себѣ доспеховъ ищешь онъ.
Проснулись гуль и степь нѣмая,
Поднялся въ полѣ прескъ и звонъ;
Онъ поднялъ щинъ, не выбирай,
Нашелъ и шлемъ и звонкій рогъ;
Но лишь меча сыскать не могъ.
Долину браны обѣзжая,
Онъ видитъ множества мечей,
Но все легки да слишкомъ малы,
А Князь красавецъ былъ не вялый,
Не то, чѣмъ вишнязъ нашихъ дней.
Чтобъ чѣмъ нибудь играшь отъ скуки
Коцье спальное взялъ онъ въ руки,

Кольчугу онъ надѣлъ на грудь,
И далъе пустился въ путь.

Ужь поблѣднѣлъ закашь румяный
Надъ усыпленною землѣй;
Дымящія синіе шуманы
И всходиши мѣсяцъ золотой;
Померкла степь. Тропою тѣмной
Задумчивъ ѿдѣшъ нашъ Русланъ,
И видишъ: сквозь ночной шуманъ
Вдали чернѣещъ холмъ огромной
И чѣпо-тио страшное хранишъ.
Онъ ближе къ холму, ближе — слышишъ:
Чудесный холмъ какъ будто дышитъ.
Русланъ внимаетъ и глядитъ
Безпрепечено, съ покойнымъ духомъ;
Но, шевеля пугливымъ ухомъ,
Конь упирается, дрожитъ,
Трясетъ упрямой головою,
И грива дыбомъ поднялась.
Вдругъ холмъ, безоблачной луною
Въ шуманъ блѣдно озаряясь,
Яснѣетъ; смоприишъ храбрый Князь —
И чудо видишъ предъ собою.
Найду ли краски и слова?

Предъ нимъ живая голова.
 Огромны очи сномъ объяты;
 Храпитъ, качая шлемъ пернатый,
 И перья въ шлемной высотѣ,
 Какъ пѣни, ходяты, развѣвалась.
 Въ своей ужасной красотѣ
 Надъ мрачной степью возвышаясь,
 Безмолвіемъ окружена,
 Пустыни спорожъ безъимянной,
 Руслану предстоитъ она
 Громадой грозной и шуманной.
 Въ недоумѣнїи хочетъ онъ
 Таинственный разрушить сонъ.
 Вблизи осматривая диво,
 Обѣхалъ голову кругомъ,
 И спалъ предъ носомъ молчаливо;
 Щекопилъ ноздри копіемъ,
 И, сморщась, голова зѣвила,
 Глаза открыла и чихнула . . . .
 Поднялся вихорь, степь дрогнула,
 Взвилась пыль; съ рѣсницъ, съ усовъ,
 Съ бровей слепѣла стая сокъ;
 Проснулись рощи молчаливы,
 Чихнуло эхо — конь реющий
 Заржалъ, запрыгалъ, отдалъ,

Едва самъ витязь усидѣлъ
 И вслѣдъ раздался голосъ шумный:
 „Куда ты, витязь неразумный?
 Ступай назадъ; я не шучу!
 Какъ разъ нахала проглочу!“
 Русланъ съ презрѣніемъ оглянулся,
 Браздами удержалъ коня,
 И съ гордымъ видомъ усмѣхнулся,
 „Чего ты хочешь опѣ менѣ?
 Нахмурясь голова вскричала,
 „Вопѣ госпя мнѣ судьба послала!
 „Послушай, убирайся прочь!
 „Я спать хочу, теперь ужъ ночь,
 „Прощай!“ — Но витязь знаменилъ,
 Услыша грубыя слова,
 Воскликнулъ съ важностию сердцій:—
 — „Молчи, пустая голова!
 Слыкалъ я испину бывало:
 Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!
 Я ъду, ъду, не свищу,
 А какъ наѣду, не спущу!“ —

Тогда, опѣ яросии нѣмѣя,
 Сѣсненной злобой пламенѣя,
 Надулась голова! какъ жаръ

Кровавы очи засверкали;
 Напынись губы задрожали;
 Изъ успѣ, ушѣй поднялся паръ —
 И вдругъ она, чѣо было мочи,
 На встрѣчу Князю спала душъ;
 Напрасно конь, зажмуря очи,
 Склонивъ главу, напужа грудъ,
 Сквозь вихоръ, дождь и сумракъ ночи
 Невѣрный продолжаетъ пушъ;
 Объятый спрахомъ, ослѣпленный,
 Онъ мчишся вновь, изнеможенный,
 Далече въ полѣ отдохнуть.
 Вновь обратившися випязъ хочется —
 Вновь отраженъ, надежды иѣтъ!
 А голова ему вослѣдъ,
 Какъ сумасшедшая, хохочешь,
 Гремитъ: „Ай, випязъ! Ай, герой!
 „Куда ты? пиши! пиши! стой!
 „О випязъ! шею сломишь даромъ;
 „Не прусь, наездникъ, и меня
 „Порадуй холпъ однимъ ударомъ,
 „Пока не заморилъ коня.“
 И между пѣмъ она героя
 Дразнила спрашивымъ языкомъ.
 Русланъ, досаду въ сердцѣ кроя,

Грозитъ ей молча копіёмъ,
 Трясеть его рукой свободной,
 И задрожавъ булашъ холодной
 Вонзился въ дерзоспинный языкъ.
 И кровь изъ бѣшенаго зѣва
 Рѣкою побѣжала вмигъ;
 Опѣ удивленья, боли, гнѣва,
 Въ минуту дерзоспии лишась,
 На Князя голова глядѣла,
 Желѣзо грызла и блѣдила.
 Въ спокойномъ духѣ горячась,
 Такъ иногда средь нашей сцены
 Плохой пипомецъ Мельпомены
 Внезапнымъ свистомъ оглушенъ;
 Ужъ ничего не видитъ онъ,
 Блѣдишись, роли забываешьъ,
 Дрожишь, поникнувъ головой,
 И заикаясь, умолкаешьъ
 Передъ насмѣшилвой толпой.
 Счастливымъ пользуясь мгновенiemъ,
 Къ объятой головѣ смущенiemъ
 Какъ ястребъ богатырь лешишъ
 Съ подъятой, грозною десницей,
 И въ щеку шмякой рукавицей
 Съ размаха голову разинъ;

И степь ударомъ огласилась;
 Кругомъ росистая трава
 Кровавой пыной обагрилась,
 И зашатавшись, голова
 Перевернулась, покатилась,
 И шлемъ чугунный заспучалъ.
 Тогда на мѣсцѣ опустѣломъ
 Мечь богатырскій засверкалъ.
 Нашъ вишязь въ трепетѣ веселомъ
 Его схватилъ и къ головѣ
 По окровавленной правѣ
 Бѣжипъ съ намѣренiemъ жестокимъ
 Ей носъ и уши обрубинъ;
 Уже Русланъ головъ разиши,
 Уже взмахнулъ мечемъ широкимъ —
 Вдругъ, изумленный, внемлещъ онъ
 Главы молящей жалкій спонъ . . . .
 И шико мечь онъ опускаешь,
 Въ немъ гнѣвъ свирѣпый умираешь,
 И мщенье бурное падешь
 Въ душѣ, моленiemъ усмиренной:
 Такъ на долинѣ паешь ледъ,
 Лучемъ полудня пораженной.

„Ты вразумилъ меня, герой,
 Со вздохомъ голова сказала:
 Твоя десница доказала,
 Что я виновенъ предъ тобой;
 Отнынъ я тебъ послушенъ;
 Но, винзъ, будь великодушенъ!
 Достоинъ плача жребій мой. —
 И я былъ винзъ удалой!
 Въ кровавыхъ битвахъ супоспата
 Себѣ я равнаго не зрељъ;
 Счастливъ, когда бы не имѣлъ
 Соперникомъ менышаго брата!
 Коварный, злобный Черноморъ,
 Ты, ты всѣхъ бѣдъ моихъ виною!
 Семейства нашего позоръ,
 Рожденный карломъ, съ бородою,
 Мой дивный ростъ опь юныхъ дней
 Не могъ онъ безъ досады видѣть,
 И спалъ за то въ душѣ своей
 Меня, жестокій, ненавидѣть.
 Я былъ всегда немногого прости,
 Хотя высокъ; а сей несчастной,
 Имѣя самый глупый ростъ,
 Уменъ какъ бѣсь — и золь ужасно.
 Припомъ же, знай, къ моей бѣдѣ,

Въ его чудесной бородѣ
 Таинсѧ сила роковая,
 И все на свѣтѣ презирая, —
 Доколѣ борода цѣла —
 Измѣнникъ не спрашивалъ зла.
 Вопль онъ однажды съ видомъ дружбы,
 Послушай, хитро мнѣ сказалъ,
 Не опкажись опъ важной службы:
 Я въ черныхъ книгахъ опыскалъ,
 Что за вос точными горами
 На тихихъ моря берегахъ,
 Въ глухомъ подвалѣ, подъ замками
 Хранился мечъ — и что же? спрахъ!
 Я разобралъ во шмѣ волшебной,
 Что волею судьбы враждебной
 Сей мечъ извѣстенъ будешь намъ;
 Что нась онъ обоихъ погубишь:
 Мнѣ бороду мою отрубишь,
 Тебѣ главу; суди же самъ,
 Сколь важно намъ пріобрѣтенье
 Сего созданья злыkhъ духовъ! —
 „Ну что же? гдѣ шутъ запрудненъ?
 Сказалъ я карлѣ, я гоповъ;
 Иду, хопъ за предѣлы свѣтла.“
 И сосну на плечо взвалилъ,

А на другое для совѣта
 Злодѣя браша посадилъ;
 Пуспился въ дальнюю дорогу,
 Шагаль, шагаль и слава Богу,
 Какъ бы пророчесиву на зло,
 Все счастливо съ начала шло.
 За ошдаленными горами
 Нашли мы роковой подвалъ;
 Я размешалъ его руками ,
 И пошагенный мечъ доспаль.
 Но нѣшь! судьба штого хонѣла:
 Межъ намиссора закипѣла —
 И было, признаюсь, о чѣмъ!
 Вопросъ: кому владѣшь мечемъ ?
 Я спорилъ, карло горячился;
 Бралились долго; наконецъ
 Уловку выдумалъ химпрецъ,
 Пришихъ и будто бы смягчился.
 — Оставимъ безполезный споръ,
 Сказалъ мнѣ важно Черноморъ :
 Мы пѣмъ союзъ нашъ обезславимъ;
 Разсудокъ въ мирѣ жить велишь;
 Судѣй рѣшишь мы предоставимъ,
 Кому сей мечъ принадлежитъ.
 Къ земль приникнемъ ухомъ оба,

(Чего не выдумаешь злоба!)

И кто услышитъ первый звонъ
Топъ и владѣй мечемъ до гроба. —

Сказаль и легъ на землю онъ.

Я съ дуру также распянулся,
Лежу, не слышу ничего,
Смѣкая; обману его!

Но самъ жестоко обманулся.

Злодѣй въ глубокой шишинѣ,
Привставъ, на цыпочкахъ ко мнѣ
Подкрался сзади, размахнулся,
Какъ вихорь свиснулъ острый мечъ,
И прежде, чѣмъ я оглянулся,
Ужъ голова слепѣла съ плечь —
И сверхъестественная сила
Въ ней жизни духъ остановила.

Мой осипавъ перниемъ обросъ,
Вдали, въ спранѣ, людьми забвенної,
Испльзъ мой прахъ непогребенное,
Но злобный карла перенёсъ
Меня въ сей край уединенное,
Гдѣ вѣчно долженъ былъ спречь
Тобой сегодня взятый мечъ.
О вишня! ты хранимъ судбою,
Возьми его, и Богъ съ тобою!

Быши можешьъ, на своеи пупти
Ты карла чародья вспрѣшишь —
Ахъ! если ты его замѣшишь,
Коварству, злобъ ошомести!
И наконецъ я счастливъ буду,
Спокойно міръ оставлю сей —
И въ благодарности моей
Твою пощечину забуду.“

РУСЛАНЪ и ЛЮДМИЛА,

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

Я каждый день, восставь отъ сна,
Благодарю сердечно Бога
За то, что въ наши времена
Волшебниковъ не такъ ужъ много.
Къ шому же — чеснъ и слава имъ! —
Женишьбы наши безопасны . . .
Мужьямъ, девицамъ молодымъ
Ихъ замыслы не такъ ужасны.
Не правъ Фернейскій злой крикунъ!
Все къ лучшему: теперь колдунъ
Иль магнетизмомъ лѣчитъ бѣдныхъ
И девушки худыхъ и блѣдныхъ,
Пророчитъ, издаєтъ журналъ —
Дѣла достойныя похвалъ!
Но еспь волшебники другіе,
Которыхъ ненавижу я:
Улыбка, очи голубые
И голосъ милый — о друзья!
Не вѣрьте имъ: они лукавы!
Страшишесь, подражая мнѣ,

*

Ихъ упоищельной отправы,
И почивайше въ тишинѣ.

Поэзіи чудесный геній,
Пѣвецъ шаинственныхъ видѣній,
Любви, мечтаний и чертей,
Могиль и рая вѣрный житель,
И Музы вѣшненой моей
Наперникъ, пѣстунъ и хранитель!
Просши мнѣ, сѣверный Орфей,
Что въ повѣстї моей забавной
Теперь во сльдѣ тебѣ лечу,
И лиру Музы своенравной
Во лжи прелестной обличу.

Друзья мои, вы всѣ слыхали,
Какъ бѣсу въ древни дни злодѣй
Предаль сперва себя съ печали,
А тамъ и души дочерей;
Какъ послѣ щедрымъ подаяньемъ
Молитвой, вѣрой и постомъ
И непришвортнымъ покаяньемъ
Снискалъ заступника въ Свяшомъ;
Какъ умеръ онъ, и какъ заснули
Его двѣнадцать дочерей;
И насы плали, ужаснули

Каршины тайныхъ сихъ ночей,
 Сіи чудесныя видѣнья,
 Сей мрачный бѣсь, сей Божій гнѣвъ,
 Живыя грѣшника мученья
 И прелесть непорочныхъ дѣвъ;
 Мы съ ними плакали, бродили
 Вокругъ зубчатыхъ замка спѣнь,
 И сердцемъ пронутымъ любили
 Ихъ тихій сонъ, ихъ тихій плѣнь;
 Душой Вадима призывали
 И пробужденье зрели ихъ —
 И часто инокинь святыхъ
 На гробъ опцовскій провожали.
 И чѣожъ? возможно ль?.... наѣмъ солгали!
 Дерзну ли испину вѣщать?
 Дерзну ли ясно описать
 Не монастырь уединенный,
 Не робкихъ инокинь соборъ,
 Но.... препещу! въ душѣ смущенный,
 Дивлюсь — и попупляю взоръ.

Младой Рашмиръ, направя къ югу
 Неперѣливый бѣгъ коня,
 Ужь думалъ предъ закатомъ дня
 Нагнашь Русланову супругу.

Но день багряный вечеръль;
 Напрасно вишизь предъ собою
 Въ шуманы дальне смопрѣль:
 Все было пусто надъ рѣкою!
 Зари послѣдній лучъ горѣль
 Надъ ярко-позлащенымъ боромъ —
 Нашъ вишизь мимо черныхъ скаль
 Тихонъко проѣзжалъ и взоромъ
 Ночлега межъ деревъ искалъ.
 Онъ на долину выѣзжаепъ,
 И видинъ — замокъ на скалахъ
 Зубчаны спѣни возвышаепъ;
 Черньюшъ башни на углахъ;
 И дѣва по спѣнѣ высокой,
 Какъ въ морѣ лебедь одинокой,
 Идеиъ, зарей освѣщена;
 И дѣвы пѣсни едва слышна
 Долины въ пишцѣ глубокой,

,Ложинся въ полѣ мракъ ночной,
 Опѣ волнъ поднялся вѣтеръ хладный —
 Ужъ поздно, пушникъ молодой!
 Укройся въ шеремѣ нашъ опрадный,

,Здѣсь ночью нѣга и покой,
 А днемъ и шумъ и пированье —

**Приди на дружное призванье,
Приди, о пушникъ молодой!**

,У насть найдешь красавицъ рой;
Ихъ нѣжны рѣчи и лобзанье —
Приди на шайное призванье,
Приди, о пушникъ молодой!

,Тебѣ мы съ упренней зарей
Наполнимъ кубокъ на прощанье —
Приди на мирное призванье,
Приди, о пушникъ молодой!

,Ложися въ полѣ мракъ ночной,
Опь волнъ поднялся вѣперъ хладный; —
Ужъ поздно, пушникъ молодой,
Укройся въ шеремѣ нашъ оградный.“

Она манишъ, она поеши —
И юный Ханъ ужъ подъ стѣною;
Его вспрѣчающъ у воропѣ
Дѣвицы красныя шоленою;
При шумѣ ласковыхъ рѣчей
Онъ окруженъ; съ него не сводятъ
Онъ пльнишельныхъ очей;
Двѣ дѣвицы коня уводяшъ;
Въ чертоги входиша Ханъ младой,

За нимъ опишулицъ милыхъ рой;
 Одна снимаешь шлемъ крылатый,
 Другая кованныя лапы,
 Та мечь берешъ, ша пыльный щипъ;
 Одежда нѣги замѣнишъ
 Желѣзныя доспѣхи браны,
 Но прежде юношу ведуши
 Къ великолѣпной Руской бани;
 Ужъ волны дымныя щекутъ
 Въ ея серебряные чаны,
 И брызжутъ хладные фонтаны;
 Разосланъ роскошью ковёръ;
 На немъ усталый Ханъ ложится;
 Прозрачный паръ надъ нимъ клубится;
 Попуця нѣги полный взоръ,
 Прелестныя, полунагія,
 Въ заботѣ нѣжной и нѣмой,
 Вокругъ Хана дѣвы молодыя
 Тѣснятся рѣзвою толпой!
 Надъ рыцаремъ иная мащенъ
 Вѣшивами молодыхъ березъ,
 И жаръ отъ нихъ душистый пашенъ;
 Другая сокомъ вешнихъ розъ
 Успалы члены прохладаешь,
 И въ ароматахъ попоплаешь

Темнокудрявые власы.
 Восторгомъ вишнязъ упоенной
 Уже забылъ Людмилы пльинной
 Недавно милыя красы;
 Томившися сладоспнымъ желаньемъ;
 Бродящій взоръ его блестящъ,
 И, полный спраспнымъ ожиданьемъ,
 Онъ плаещъ сердцемъ, онъ горитъ.

Но вотъ выходишь онъ изъ бани.
 Одѣтый въ бархатныя шкани,
 Въ кругу прелестныхъ дѣвъ, Рашимиръ
 Садится за богатый пиръ.
 Я не Гомеръ: въ спихахъ высокихъ,
 Онъ можетъ воспѣвать одинъ
 Обѣды Греческихъ дружинъ
 И звои и пѣни чашъ глубокихъ.
 Милѣе, по сльдамъ Парни,
 Миѣ славишъ лирою небрежной
 И нагошу въ ночной шѣни,
 И поцѣлуй любови иѣжной!
 Луною замокъ озаренъ;
 Я вижу перемъ опдаленный,
 Гдѣ вишнязъ штомный, воспаленный
 Вкушающъ одинокій сонъ;

Его чело, его ланицы
Мгновеннымъ пламенемъ горяще;
Его уста полуоткрыты,
Лобзанье тайное маняще;
Онъ спраситъ, медленно вздыхаешь,
Онъ видишь ихъ — и въ пылкомъ синѣ
Покровы къ сердцу прижимаешь,
Но вонъ — въ глубокой тишинѣ
Дверь отворилась; полъ ревнивой
Скрыпнула подъ ножкой торопливой,
И при серебряной лунѣ
Мелькнула дѣва; сны крылаты!
Сокройшесь, оплелиши прочь!
Проснись — швоя наспала ночь!
Проснися — дорогъ мигъ ушраты! . . .
Она подходитъ, онъ лежитъ,
И въ сладосираспной нѣгѣ дремлешь;
Покровъ его съ одра скользитъ,
И жаркой пухъ чело объемлешь;
Въ молчаныи дѣва передъ нимъ
Сипитъ недвижно, бездыхания,
Какъ лицемѣрная Діана
Преѣзъ мильямъ паспыремъ своимъ;
И вонъ она, на ложе Хана
Колѣномъ опершись одинъ,

Вздохнувъ, лице къ нему склоняешъ
 Съ пломленьемъ, съ препетомъ живымъ,
 И сонъ счастливца прерываешъ
 Добзацъемъ спраспнымъ и нѣмымъ . . . . .

Но, други, дѣвственная дири
 Умолкла подъ моей рукой;
 Слабѣешь робкій голосъ мой —
 Оставимъ юнаго Рацмира;
 Не смѣю пѣсней продолжать:
 Русланъ насъ долженъ занимашъ,
 Русланъ, сей вишня безпримѣрный,
 Въ душѣ герой, любовникъ вѣрный,
 Упорнымъ боемъ утомлёнъ,
 Подъ богатырской головою
 Онъ сладоспинный вкушаешь сонъ,
 Но вонъ ужъ раннею зарёю
 Сияешь щихій небосклонъ;
 Все ясно; упра лучъ игривый
 Главы косматый лобъ златишь.
 Русланъ вспаешь, и конъ репиный
 Ужъ вишня сирѣлою мчинишъ.

И дни бѣгутъ; желѣзюшъ нивы;
 Съ деревъ спадаешь дряхлый листъ;

Въ лѣсахъ осенній вѣпра свистъ
 Пѣвицъ пернатыхъ заглушаешь;
 Тяжелый, пасмурный шуманъ,
 Нагіе холмы обвиваешь;
 Зима приблизилась — Русланъ
 Свой путь отважно продолжаешь
 На дальний сѣверъ; съ каждымъ днемъ
 Преграды новыя встрѣчаешь:
 То бѣешься онъ съ богатыремъ,
 Тъ съ вѣдьмою, то съ великаномъ,
 То лунной ночью видишь онъ,
 Какъ будто сквозь волшебный сонъ,
 Окружены сѣдымъ шуманомъ,
 Русалки, на гусиныхъ вѣнчахъ
 Качаясь, вишня младова
 Съ улыбкой хитрой на устахъ
 Манишъ, не говоря ни слова . . .
 Но шайнымъ Промысломъ хранимъ,
 Безстрашный вишня невредимъ;
 Въ его душѣ желанье дремлешъ,
 Онъ ихъ не видишь, имъ не внимашъ,
 Одна Людмила всюду съ нимъ.

Но между шѣмъ, никѣмъ незрима,
 Ошь нападеній колдуна

Волшебной шапкою хранима,
 Что дѣлаешь моя Княжна,
 Моя прекрасная Людмила?
 Она, безмолвна и уныла,
 Одна гуляешь по садамъ,
 О другъ мыслишь и вздыхаешь,
 Иль, волю давъ своимъ мечтамъ,
 Къ родимымъ Киевскимъ полямъ
 Въ забвеньи сердца улещаешь;
 Опца и братьевъ обнимаешь,
 Подружекъ видишь молодыхъ
 И старыхъ мамушекъ своихъ —
 Забыты плѣнъ и разлученье!
 Но вскорѣ бѣдная Княжна
 Свое перяешь заблужденье,
 И вновь уныла и одна.
 Рабы влюбленнаго злодѣя,
 И день и ночь, сидѣшь не смѣя,
 Межъ шѣмъ по замку, по садамъ
 Прелестной плѣнницы искали,
 Мешались, громко призывали,
 Однако все по пустякамъ.
 Людмила ими забавлялась:
 Въ волшебныхъ рощахъ иногда

Безъ шапки вдругъ она являлась,
 И кликала: сюда! сюда!
 И всѣ бросались къ ней сполою;
 Но въ спорону — незрима вдругъ —
 Она неслышною сполою
 Опъ хищныхъ убѣгала рукъ.
 Вездѣ всечасно замѣчали
 Ея минутные слѣды:
 То позлащенные плоды
 На шумныхъ вѣтвяхъ исчезали,
 То капли ключевой воды
 На лугъ измятый упадали:
 Тогда навѣрно въ замкѣ знали
 Что пьеть иль кушаетъ Княжна.
 На вѣтвяхъ кедра иль берёзы
 Скрываясь по ночамъ, она
 Минутного искала сна —
 Но штолько проливала слёзы,
 Звала супруга и покой,
 Томилась грустью и зѣвотой,
 И рѣдко, рѣдко предъ зарѣй,
 Склоняясь ко древу головой,
 Дремала шонкою дремотой;
 Едва рѣдѣла ночи мгла
 Людмила къ водопаду шла

Умысься хладною спруёю:
 Самъ карло упреней порою
 Однажды видѣль изъ палашъ,
 Какъ подъ невидимой рукою
 Плескалъ и брызгалъ водопадъ.
 Съ своей обычною плоскою
 До новой ночи, здѣсь и тамъ,
 Она бродила по садамъ;
 Не рѣдко подъ вечеръ слыхали
 Ея пріятный голосокъ;
 Не рѣдко въ рощахъ поднимали
 Иль ею брошенный вѣнокъ,
 Или клочки Персидской шали,
 Или заплаканный плащокъ.

Жестокой страстью уязвленный,
 Досадой, злобой омраченный,
 Колдунъ рѣшился наконецъ
 Поймать Людмилу непремѣнно.
 Такъ Лемноса хромой кузнецъ,
 Пріявъ супружескій вѣнецъ
 Изъ рукъ прелестной Циперен,
 Раскинуль сѣть ея красамъ,
 Опкрайвъ настыльнымъ богамъ
 Киприды иѣжныя затѣи . . . .

Скучая, бѣдная Княжна
 Въ прохладѣ мраморной бесѣдки
 Сидѣла пихо близъ окна,
 И сквозь колеблемыя вѣнки
 Смотрѣла на цвѣтущій лугъ.
 Вдругъ слышишъ — кличуши: „милый другъ!“
 И видишъ вѣрнаго Руслана.
 Его черны, походка, спанъ;
 Но блѣденъ онъ, въ очахъ шуманъ
 И на бедрѣ живая рана —
 Въ ней сердце дрогнуло. „Русланъ!
 Русланъ! . . . онъ точно!“ — И спрѣлою
 Къ супругу плѣнница лепишъ,
 Въ слезахъ, препеща, говоришъ:
 „Ты здѣсь!... ты раненъ!.... чѣто съ тобою?“
 Уже доспигла, обняла,
 О ужасъ! призракъ исчезаешь!
 Княжна въ сѣняхъ; съ ея чела
 На землю шапка упадаешь.
 Хладъя, слышишъ грозный крикъ:
 „Она моя!“ и въ темнѣ же мигъ
 Зришъ колдуна передъ очами.
 Раздался дѣвы жалкій стонъ,
 Падеши безъ чувствъ — и дивный сонъ
 Объялъ несчастную крылами.

Что будеши съ бѣдиою Княжной?
О спрашный видъ! Волшебникъ хиалый
 Ласкаешъ сморщенной рукой
 Младыя прелести Людмилы;
 Къ ея пльнишельнымъ успамъ
 Прильнувъ увядшими успами,
Онъ, вопреки своимъ годамъ,
 Ужь мыслишъ хладными шрудами
 Сорвать сей нѣжныи, шайныи цвѣтъ,
 Хранимыи Лелемъ для другаго;
 Уже . . . . но бремя позднихъ лѣтъ
 Тягчишъ безшыдника съдаго —
Стоная, дряхлыи чародѣй,
 Въ безсильной дерзости своей
 Предъ сонной дѣвой упадаешь;
 Въ немъ сердце ноешъ, плачешь онъ,
 Но вдругъ раздался рога звонъ,
И кто-то карлу вызываешь.
 Въ смятены, блѣдныи чародѣй
 На дѣву шапку надѣваешь;
 Трубящъ опять; звучныи, звучныи,
И онъ лепитъ къ безвѣспной вспѣчѣ,
 Закинувъ бороду за плечи.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

РУСЛАНЪ и ЛЮДМИЛА,

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

Ахъ, какъ мила моя Княжна!
Миѣ нравъ ея всего дороже:
Она чувствительна, скромна,
Любви супружеской вѣрна,
Немножко вѣтрена... шакъ чѣ?
Еще милѣе шѣмъ она.
Всечасно прелестнію новой
Умѣніи нась она плѣнила;
Скажише: можно ли сравнить
Ее съ Дельфирою сурою?
Одной — судьба послала даръ
Обворожашъ сердца и взоры;
Ея улыбка, разговоры
Во мнѣ любви рождающъ жаръ.
А та — подъ юпкою гусарь,
Лишь дайши ей усы да шпоры!
Блаженъ, кого подъ вечерокъ
Въ уединенный уголокъ
Моя Людмила поджидаетъ
И другомъ сердца назовѣть:
Но, вѣрыше мнѣ, блаженъ и тошъ,

Кто опь Дельфиры убъгаєтъ
 И даже съ нею незнакомъ.
 Да впрочемъ дѣло не о шомъ!
 Но кто трубилъ? Кто чародѣя
 На съчу грозну вызывалъ?
 Кто колдуна перепуталъ?
 Русланъ! – Онъ, меснико пламенія,
 Достигъ обищели злодѣя.
 Ужъ вишня подъ горой споинъ,
 Призывный рогъ, какъ буря, военъ,
 Неперпѣнівый конь кипишъ
 И сиѣгъ копытомъ мочнымъ роенъ.
 Князь карлу ждешъ. Внезапно онъ
 По шлему крѣпкому спальнику
 Рукой незримой пораженъ;
 Ударъ упалъ подобно грому;
 Русланъ подъемленъ смущный взоръ,
 И видишь — прямо надъ главою —
 Съ подъяшой, спрашной булавою
 Лешаещъ карло Черноморъ.
 Щипцомъ покрывшиесь, онъ нагнулся,
 Мечемъ попрясъ и замахнулся;
 Но шопъ взвился подъ облака;
 На мигъ исчезъ — и съ высока
 Шумя лепитъ на Князя снова.

Проворный вицязь ошелепъль,
 И въ снѣгъ съ розмаха роковова
 Колдунъ упалъ — да шамъ и сѣль;
 Русланъ, не говоря ни слова,
 Съ коня долой, къ нему спѣшишь,
 Поймалъ, за бороду хватаетъ,
 Волшебникъ силишся, кряхтишь,
 И вдругъ съ Русланомъ улетаешь....
 Репицвый конь во слѣдъ глядитъ;
 Уже колдунъ подъ облаками;
 На бородѣ герой висишь;
 Лепяшь надъ мрачными лѣсами,
 Лепяшь надъ дикими горами,
 Лепяшь надъ бездною морской;
 Опъ напряженья костенъя,
 Русланъ за бороду злодѣя
 Упорной держится рукой.
 Межъ пѣмъ, на воздухѣ слабѣя
 И силѣ Руской изумясь,
 Волшебникъ гордому Руслану
 Коварно молвить: слушай, Князь!
 Тебѣ вредить я переспану;
 Младое мужесциво любя,
 Забуду все, прощу тебя,
 Спущусь — но только съ уговоромъ....

— „Молчи, коварный чародѣй!
 Прерваль нашъ вишязь, съ Черноморомъ,
 Съ мучителемъ жены своей,
 Русланъ не знаєшъ договора!
 Сей грозный мечъ накажелъ вора.
 Лепши хопъ до ночной звѣзды,
 А бышъ тебѣ безъ бороды! —
 Боязнь объемлешъ Черномора;
 Въ досадѣ, въ горести нѣмой
 Напрасно длинной бородой
 Успалый карло потрясаешь:
 Русланъ ее не выпускаешь
 И щиплещъ волосы порой.
 Два дни колдунъ героя носишь,
 На третій онъ пощады просишь:
 „О рыцарь! сжался надо мной;
 Едва дышу; нѣтъ мочи болѣ;
 Оставь мнъ жизнь, въ твоей я волѣ;
 Скажи — спущусь куда велишь....“
 — Теперь ты нашъ! ага! дрожишь!
 Смирись, покорствуй Руской силѣ!
 Неси меня къ моей Людмилѣ, —

Смиренно внемлешъ Черноморъ;
 Домой онъ съ вишяземъ пуспился;

Лепиши — и мигомъ очутился
 Среди своихъ ужасныхъ горъ.
 Тогда Русланъ одной рукою
 Взялъ мечъ сраженной головы,
 И бороду схвативъ другою,
 Опсѣкъ ее, какъ горсть правы.
 — „Знай нашихъ! молвилъ онъ жестоко,
 Что, хищникъ! гдѣ твоя краса?
 Гдѣ сила?“ и на шлемъ высокой
 Сѣдые вяжешь волоса;
 Свиспя зовешь коня лихаго,
 Веселый конь лепиши и ржешь;
 Нашъ витязь карлу, чушь живаго,
 Въ копомку за сѣдло кладешь,
 А самъ, боясь мгновенья прапы,
 Спѣшиши на верхъ горы крустой,
 Доспигъ, и съ радоспиной душой
 Лепиши въ волшебныя палаты.
 Вдали завидя шлемъ брадавый,
 Залогъ побѣды роковой,
 Предъ нимъ Араповъ чудный рой,
 Толпы невольницъ боязливыхъ,
 Какъ призраки, со всѣхъ споронъ
 Бѣгушъ — и скрылись. Ходить онъ
 Одинъ средь храминъ горделивыхъ,

Супругу милую зовешь —
 Лишь эхо сводовъ молчаливыхъ
 Руслану голосъ подаешь;
 Въ волненыи чувствъ нестерпѣливыхъ
 Онъ отворяешь двери въ садъ —
 Идешь, идеешь — и не находишь;
 Кругомъ смущенный взоръ обводишь —
 Все мерцаніо: рощи молчатъ,
 Бесѣдки пусты; на спремининахъ,
 В долѣ береговъ ручья, въ долинахъ,
 Нигдѣ Людмилы слѣду нѣть,
 И ухо ничего не внимлешь.
 Внезапный Князя хладъ объемлешь,
 Въ очахъ его шемиѣшь свѣтъ,
 Въ умѣ возникли мрачны думы.....
 „Быть можетъ, горестъ.... пльнь угрюмый....
 „Минуша..... волны.....“ Въ сихъ мечтахъ
 Онъ погруженъ. Съ нѣмой тоскою
 Поникнувъ вишнѣзъ головою,
 Его шомиѣшь невольный спрахъ,
 Недвижимъ онъ какъ мерцавій камень,
 Мрачится разумъ; дикий пламень
 И ядъ отчаянной любви
 Уже текутъ въ его крови.
 Казалось — пльнь Княжны прекрасной

Коснулась трепещнымъ успамъ....
 И вдругъ, неистовый, ужасный,
 Спремимся витязь по садамъ;
 Людмилу съ воплемъ призываешьъ,
 Съ холмовъ ущесы отрываешьъ,
 Все рушишъ, все крунишъ мечемъ —
 Бесѣдки, рощи упадаюшъ,
 Древа, мосты въ волнахъ ныряюшъ,
 Степь обнажаешьъ кругомъ!
 Далеко гулы повторяюшъ
 И ревъ, и трескъ, и шумъ, и громъ;
 Повсюду мечь звенишъ и свищепъ,
 Прелестный край опустошёнъ —
 Безумный витязь жертвы ищетъ,
 Съ размаха вправо, влѣво онъ
 Пустынныи воздухъ разсыкаешьъ....
 И вдругъ — нечаянныи ударъ
 Съ Княжны невидимой сбиваешьъ
 Прощальныи Черномора даръ....
 Волшебства вмигъ исчезла сила:
 Въ съяхъ ошкрылася Людмила!
 Не вѣря самъ своимъ очамъ,
 Нежданымъ счастьемъ упоеннай,
 Нашъ витязь падаетъ къ ногамъ
 Подруги вѣрной, незабвенной,

Лобзаетъ руки, сѣши рвешъ,
 Любви, воспорга слезы льетъ,
 Зовешъ ее — но дѣва дремлетъ,
Сомкнуты очи и усна,
И сладоспрашная мечта
 Младую грудь ея подъемлетъ.
 Русланъ съ нея не сводишь тлазъ,
 Его терзаетъ вновь кручина . . . .
 Но вдругъ знакомый слышитъ гласъ,
 Гласъ добродѣтельнаго Финна:

„Мужайся, Князь! въ обратный путь
 Ступай со спящею Людмилой;
 Наполни сердце новой силой,
 Любви и чести вѣренъ будь.
 Небесный громъ на злобу грянетъ,
 И воцаришся птичина —
 И въ свѣломъ Киевъ Княжна
 Передъ Владиміромъ возстанетъ
 Опъ очарованнаго сна.“

Русланъ, симъ гласомъ оживленной,
 Берешъ въ объятія жену,
 И пихо съ иошай драгоцѣнной

**Онъ оставляешь вышину,
И сходишь въ долъ уединенной.**

Въ молчаны, съ карлой за сѣдломъ,
Поѣхалъ онъ своимъ пушѣмъ;
Въ его рукахъ лежитъ Людмила,
Свѣжа, какъ вешняя заря ,
И на плечо богатыря
Лице спокойное склонила.

Власами, свищими въ кольцо ,
Пуспинный вѣтерокъ играешь;
Какъ часто грудь ея взыхаешь !
Какъ часто шихое лицо
Мгновенной розою пылаешь !
Любовь и шайная мечта
Руслановъ образъ ей приносяшь ,
И съ шомнымъ шопотомъ усна
Супруга имя произносяшь . . . .
Въ забвени сладкомъ ловишь онъ
Ея волшебное дыханье ,
Улыбку, слезы, нѣжный спонъ
И юныхъ персей волнованье . . . .

Межъ пѣмъ, по доламъ, по горамъ,
И въ бѣлый день и по ночамъ ,

Нашъ вишнязъ ъдепъ непрестанно.
 Еще далекъ предѣль желанной,
 А дѣва спиши. Но юный Князь,
 Безплоднымъ пламенемъ шомясь,
 Уже лъ, спрадалецъ поспоянной,
 Супругу только спорожилъ, .
 И въ цѣломудренномъ мечтанье,
 Смиривъ нескромное желанье,
 Свое блаженство находилъ?
 Монахъ, который сохранилъ
 Потомству вѣрное преданье
 О славномъ вишнязѣ моемъ,
 Насъ увѣряетъ смѣло въ шомъ;
 И вѣрю я! безъ раздѣленья
 Унылы, грубы наслажденья:
 Мы прямо счастливы вдвоѣмъ.
 Пастушки! сонъ Княжны прелестной
 Не походилъ на ваши сны,
 Порой шопотъльной весны,
 На муравѣ, въ пѣни древесной.
 Я помню маленькой лужокъ
 Среди березовой дубравы,
 Я помню тѣмной вечерокъ,
 Я помню Лиды сонъ лукавый . . . .
 Ахъ! первый поцѣлуй любви

Дрожацій, легкій, шоропливый
Не разогналь, друзья мои,
Ея дремопы молчаливой . . . .
Но полно! я болтаю вздоръ!
Къ чему любви воспоминанье?
Ея ушъха и спраданье
Забыты мною съ давнихъ поръ;
Теперь влекущъ мое вниманье
Княжна, Русланъ и Черноморъ.

Предъ ними спелеется равнина,
Гдѣ ели изрѣдка взошли;
И грознаго холма въ дали
Чернѣеть круглая вершина
Небесь на яркой синевѣ;
Русланъ глядитъ — и догадался,
Что подъѣзжаешь къ головѣ;
Быстро борзый конь помчался;
Ужъ вивно чудо изъ чудесъ;
Она глядитъ недвижнымъ окомъ;
Качающъ вѣтры черный лѣсъ,
Поросшій на чель высокомъ;
Ланиты жизни лишены,
Свинцовой блѣдносью покрыты,
Уста дрожація ошкрыты,

Огромны зубы съиснены....
Надъ полумеривой головою
Послѣдній день ужъ шяготѣль.
Къ ней храбрый вишнязъ прилепѣль
Съ Людмилой, съ карлой за спиною.
Онъ крикнуль: „здравствуй, голова!
„Я здѣсь! наказанъ швой измѣнникъ!
„Гляди: вонъ онъ! злодѣй нашъ плѣнникъ!“
И Князя гордыя слова
Ее внезапно оживили,
На мигъ въ ней чувсвство разбудили,
Очнулась будто ото сна,
Взглянула, спрашно заспонала . . . .
Узнала вишнязя она,
И братца съ ужасомъ узнала.
Надулись ноздри; на щекахъ
Багровый огнь еще родился,
И въ умирающихъ глазахъ
Послѣдній гнѣвъ изобразился.
Въ смятени, въ бѣшенствъ нѣмомъ
Она зубами скрежетала,
И братцу хладнымъ языкомъ
Укоръ невнятный лепетала . . . .
Въ рукахъ Руслана чародѣй
Томился въ мукахъ ожиданья;

И Князь не могъ отвѣстъ очей
 Опь непонятнаго созданья . . . .
 Но головы въ томъ самый часъ
 Кончалось долгое спраданье:
 Чела мгновеній пламень гасъ,
 Слабѣло пяккое дыханье,
 Туманный закапится взоръ,
 И вскорѣ Князь и Черноморъ
 Узрѣли смерти содроганье . . . .
 Она почила вѣчнымъ сномъ.
 Въ молчаныи витязь удалился;
 Дрожащи карликъ за сѣдломъ
 Не смыль дышать, не шевелился,
 И чернокнижнымъ языкомъ
 Усердио демонамъ молился.

На склонѣ шемыихъ береговъ
 Какой-то рѣчки безъимянной,
 Въ прохладномъ сумракѣ лѣсовъ,
 Спояль поникшей хаты кровъ,
 Гусицами сосновами вѣнчанной.
 Въ печеныи медленномъ рѣка
 Вблизи плашень изъ тростника
 Волною сонной очывала,
 И вкругъ него едва журчала

При легкомъ шумѣ вѣтерка.
 Долина въ сихъ мѣсяцахъ шаилась,
 Уединена и темна;
 И памъ, казалось, тишина
 Съ начала міра воцарилась.
 Русланъ остановилъ коня.
 Все было тихо, безмятежно;
 Опь разсвѣщающаго днія
 Долина съ рощею прибрежной
 Сквозь утренній сіяла дымъ.
 Русланъ на лугъ жену слагаетъ,
 Садится близъ нее, вздыхаетъ
 Съ унынемъ сладкимъ и нѣмымъ;
 И вдругъ, онъ видитъ предъ собою
 Смиренный парусъ челнока,
 И слышитъ пѣсню рыбака
 Надъ тихоспруйною рѣкою.
 Раскинувъ неводъ по волнамъ
 Рыбакъ, на весла наклоненной,
 Плыаетъ къ лѣсистымъ берегамъ,
 Къ порогу хижинъ смиренной.
 И видитъ добрый Князь Русланъ:
 Челнокъ ко брегу приплываешь;
 Изъ темной хаты выбѣгаешь
 Младая дева; спройный спанъ,

Власы, небрежно распущены,
 Улыбка, тихій взоръ очей,
 И грудь, и плечи обнажены,
 Все мило, все пленяетъ въ ней.
 И вошъ они, обнявъ другъ друга,
 Садяще у прохладныхъ водъ,
 И часъ беспечного досуга
 Для нихъ съ любовью настаетъ.
 Но въ изумленьи молчаливомъ
 Кого же въ рыбакѣ счастливомъ
 Нашъ юный вишязъ узнаетъ?
 Хазарскій Ханъ, избранный славой,
 Рашмиръ въ любви, въ войнѣ кровавой
 Его соперникъ молодой,
 Рашмиръ, въ пустынѣ безмятежной
 Людмилу, славу позабылъ,
 И имъ на вѣки измѣнилъ
 Въ объятияхъ подруги нѣжной.

Герой приближился, и вмигъ
 Отшельникъ узнаетъ Руслана,
 Вспаетъ, лепитъ. Раздался крикъ...
 И обнялъ Князь младаго Хана.
 Что вижу я! спросилъ герой,
 Зачѣмъ ты здѣсь, зачѣмъ оставилъ

*

Тревоги жизни боевой,
 И мечь, копорый ты прославилъ?
 „Мой другъ, опвѣтствовалъ рыбакъ,
 Душъ наскучилъ бранной славы
 Пускай и гибельный призракъ.
 Повѣрь: невинныя забавы,
 Любовь и мирныя дубравы
 Мнѣе сердцу во спо крапъ —
 Теперь, ушрашивъ жажду браны,
 Преспалъ пластиль безумству дани,
 И, вѣрнымъ счастіемъ богатъ,
 Я все забылъ, товарищъ милый,
 Все, даже прелесты Людмилы.“
 — Любезный Ханъ, я очень радъ!
 Сказалъ Русланъ: она со мною —
 — „Возможно ли? какой судьбою?
 Что слышу? Русская Княжна . . .
 Она съ ибою! гдѣ жъ она?
 Позволь.... но иѣшь! боюсь измѣны;
 Моя подруга мнѣ мила;
 Моей счастливой перемѣны
 Она виновницей была;
 Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость!
 Она мнѣ возвратила вновь
 Мою упраченную младость,

И миръ, и чистую любовь.
 Напрасно счастье миѣ суили
 Успа волшебницъ молодыхъ;
 Двѣнадцать дѣвъ меня любили:
 Я для нее покинулъ ихъ;
 Оставилъ шеремъ ихъ веселый,
 Въ пѣни хранишельныхъ дубровъ.
 Сложилъ и мечъ и шлемъ пяжелый,
 Забылъ и славу и враговъ.
 Опшельникъ мирный и безвѣстный,
 Остался въ счастливой глупи
 Съ тобой, другъ милый, другъ прелестный,
 Съ тобою, свѣтъ моей души! “ —

Паспушка мѣлкая внимала
 Друзей открытый разговоръ,
 И, устремивъ на Хана взоръ,
 И улыбалась и вздыхала.

Рыбакъ и вишня на брегахъ
 До шемной ночи просидѣли
 Съ душей и сердцемъ на усахъ —
 Часы невидимо лежѣли.
 Чернѣетъ лѣсъ, шемна гора;
 Вспаенъ луна — все пихо спало;

Герою въ путь давно пора —
 Накинувъ тихо покрывало
 На дѣву спящую, Русланъ
 Идешь и на коня садишся;
 Задумчиво безмолвный Ханъ
 Душей во слѣдъ ему спремишся,
 Руслану счастія, побѣдъ
 И славы и любви желаетъ . . .
 И думы гордыхъ, юныхъ лѣтъ
 Невольной грустю оживляешъ . . .

Зачѣмъ судьбой несуждено
 Моей непостоянной мірѣ
 Геройство воспѣвашъ одно,
 И съ нимъ (незнаемыя въ мірѣ)
 Любовь и дружбу старыхъ лѣтъ?
 Печальной испинѣ поэти,
 Зачѣмъ я долженъ для пошомства
 Порокъ и злобу обнажашъ,
 И шайны козни вѣроломства
 Въ правдивыхъ пѣсняхъ обличашъ?

Княжны искалечь недостойной,
 Охопу ѣ славѣ потерявъ,

Никъмъ незнаемый Фарлафъ
 Въ пустынѣ дальній и спокойной
 Скрывался и Наины ждалъ.
 И часъ торжественный насталъ.
 Къ нему волшебница явилась,
 Вѣщая: „знаешь ли меня?
 „Сступай за мной; сѣдлай коня!“
 И вѣдьма кошкой обратилась;
 Осѣдланъ конь, она пуспилась;
 Тропами мрачными дубравъ
 За нею слѣдуешь Фарлафъ.

Долина тихая дремала,
 Въ ночной одѣтая шуманъ,
 Луна во мглѣ перебѣгала
 Изъ тучи въ тучу, и курганъ
 Мгновеннымъ блескомъ озаряла.
 Подъ нимъ въ безмолвіи Русланъ
 Сидѣлъ съ обычною поскою
 Предъ усыпленною Кияжною.
 Глубоку думу думалъ онъ,
 Мечты лепѣли за мечтами,
 И непримѣнно вѣялъ сонъ
 Надъ нимъ холодными крылами.
 На дѣву смущными очами

Въ дремотѣ помнай онъ взглянулъ,
И утомленною главою
Склоняясь къ ногамъ ея, заснуль.

И спился вѣцій сонъ герою:
Оль видитъ, будто бы Княжна
Надъ спраниой бездны глубиною
Сходитъ недвижна и блѣдна . . . .
И вдругъ Людмила исчезаетъ,
Сходитъ одинъ надъ бездной онъ...
Знакомый гласъ, призывный спонъ
Изъ тихой бездны, вылещаетъ . . . .
Русланъ спремится за женой;
Спремглавъ лепитъ во шѣмъ глубокой....
И видитъ вдругъ передъ собой:
Владимиръ, въ гридинцѣ высокой,
Въ кругу сѣыхъ богатырей,
Между двѣнадцатью сынами,
Съ полюю названныхъ госшѣй
Сидитъ за браными столами.
И также гиѣвенъ старый Князь,
Какъ въ день ужасный разставанья,
И всѣ сидячи не шевелясь,
Не смыя перервать молчанья.
Улицъ веселый шумъ госшѣй,

Не ходитъ чаша круговая . . . .
 И видитъ онъ, среди гостей,
 Въ бою сраженного Рогдая:
 Убитый, какъ живой, сидитъ;
 Изъ опьяненного спакана
 Онъ, весель, пьетъ и не глядитъ
 На изумленного Руслана.
 Князь видитъ и младаго Хана,
 Друзей и недруговъ . . . и вдругъ
 Раздался гусей бѣглый звукъ
 И голосъ вѣщаго Баяна,
 Пѣвца героевъ и забавъ.
 Вспупаетъ въ гридину Фарлафъ,
 Ведетъ онъ за руку Людмилу;
 Но спарецъ, съ мѣста не привставъ,
 Молчитъ, склонивъ главу унылу,
 Князья, Бояре — всѣ молчать,
 Душевныя движенія кроя.
 И все исчезло — смертный хладъ
 Объемлетъ спящаго героя.
 Въ дремоту тяжко погруженъ,
 Онъ льетъ мучительныя слезы,
 Въ волненіи мыслишь: эпо сонъ!
 Томится, но зловѣщей грэзы,
 Увы! прервать не въ силахъ онъ.

Луна чумъ свѣтишъ надъ горою;
 Объяны роши тьемнотою,
 Долина въ мертвой тишинѣ . . .
 Измѣнникъ єдетъ на конѣ.

Предъ нимъ открылася поляна;
 Онъ видишъ сумрачный курганъ;
 У ногъ Людмилы спишъ Русланъ,
 И ходишъ конь кругомъ кургана.
 Фарлафъ съ боязню глядишъ;
 Въ шуманѣ вѣдьма исчезаешъ ,
 Въ немъ сердце замерло, дрожишъ,
 Изъ хладныхъ рукъ узду роняетъ,
 Тихонъко обнажаешь мечъ ,
 Готовясь витязя безъ боя
 Съ размаха на двое разсѣчь . . .
 Къ нему подъѣхалъ. Конь героя,
 Врага почуя, закипѣлъ,
 Заржалъ и шопнулъ. Знакъ напрасный!
 Русланъ не внемлетъ; сонь ужасный
 Какъ грузъ надъ нимъ опяготѣлъ!..
 Измѣнникъ, вѣдьмой ободренный,
 Герою въ грудь рукой презрѣнной
 Вонзаешъ прижѣты хладну спаль....

И мчишся боязливо въ даль
Съ своей добычей драгоцѣнной.

Всю ночь безчувственный Русланъ
Лежалъ во мракѣ подъ горою.
Часы лепѣли. Кровь рѣкою
Текла изъ воспаленныхъ ранъ.
По упру, взоръ онѣкърывъ пуманной,
Пуская тяжкій, слабый спонъ,
Съ усилиемъ приподнялся онъ,
Взглянуль, поникъ главою бранной —
И палъ недвижный, бездыханной.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

РУСЛАНЪ и ЛЮДМИЛА,
ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

Ты мнѣ велишь, о другъ мой нѣжной,
На лирѣ легкой и небрежной
Спарины были напѣвать,
И Музъ вѣрной посвящать
Часы безцѣнного досуга....
Ты знаешь, милая подруга,
Поссорясь съ вѣтреной молвой,
Твой другъ, блаженствомъ упоенный,
Забылъ и трудъ уединенный,
И звуки лиры дорогой.
Опь гармонической забавы
Я, нѣгой упоенъ, опытъ . . .
Дышу тобою — и гордой славы
Не внятенъ миѣ призывный кликъ!
Меня покинулъ шайный геній
И вымысловъ, и сладкихъ думъ;
Любовь и жажды наслажденій
Однѣ преслѣдующъ мой умъ. —
Но ты велишь, но ты любила
Разсказы прежніе мои,
Преданья славы и любви;

Мой богатырь, моя Людмила,
 Владими́ръ, вѣдьма, Черноморъ,
 И Финна вѣрныя печали
 Твое мечтанье занимали;
 Ты, слушая мой легкій вздоръ,
 Съ улыбкой иногда дремала;
 Но иногда свой нѣжный взоръ
 Нѣжнѣе на пѣвца бросала . . .
 Рѣшусь; влюбленный говорунъ,
 Касаюсь вновь лѣнивыхъ спрунъ;
 Сажусь у ногъ твоихъ и снова
 Бренчу про вишня зладова.

Но что сказалъ я? Гдѣ Русланъ?
 Лежитъ онъ мерзлый въ чистомъ полѣ;
 Ужъ кровь его не льется болѣ,
 Надъ нимъ лепаетъ жадный вранъ,
 Безгласенъ рогъ, недвижны латы,
 Не шевелился пледъ косматый!

Вокругъ Руслана ходитъ конь,
 Поникнувъ гордой головою,
 Въ его глазахъ исчезъ огонь!
 Не машетъ гривой золотою,
 Не шѣшился, не скачепъ онъ,

И ждешь, когда Русланъ воспрянетъ . . . .

Но Князя крѣпокъ хладный сонъ,

И долго щипъ его не грянетъ.

А Черноморъ? онъ за сѣдломъ,
 Въ копомкѣ, вѣдьмою забытый,
 Еще не знаешь ничего;
 Усталый, сонный и сердитый
 Княжну, героя моего
 Браницъ отъ скуки молчаливо;
 Не слыша долго ничего,
 Волшебникъ выглянути — о диво!
 Онъ видишь, богатырь убиши;
 Въ крови потопленный лежишь,
 Людмилы нѣшь, все пусто въ полѣ;
 Злодѣй отъ радости дрожишь;
 И мниши: свершилось! я на волѣ!
 Но старый карло былъ не правъ.
 Межъ тѣмъ Наиной осѣненый,
 Съ Людмилой, тихо усыпленной,
 Спремишился къ Киеву Фарлафъ:
 Лепшишь, надежды, спраха полный;
 Предъ нимъ уже Диңпровски волны
 Въ знакомыхъ пажишахъ шумяши;
 Ужъ видишь златоверхій градъ;

Уже Фарлафъ по граду мчишся,
 И шумъ на стогнахъ возглашайтъ;
 Въ волненьи радосномъ народъ
 Валилъ за всадникомъ, пѣснишся,
 Бѣгунъ обрадованъ отца:
 И волъ измѣнникъ у крыльца.
 Влача въ душѣ печали бремя
 Владіміръ-солнышко въ то время,
 Въ высокомъ теремъ своёмъ
 Сидѣлъ, ломаясь привычной думой.
 Бояре, винзаны кругомъ
 Сидѣли съ важносю угрюмой;
 Вдругъ внемлещъ онъ, передъ крыльцомъ
 Волненіе, крики, шумъ чудесный;
 Дверь опвориласъ, передъ нимъ
 Явился воинъ неизвѣстный;
 Всѣ вспали съ шопотомъ глухимъ,
 И вдругъ смущились, зашумѣли:
 „Людмила здѣсь! Фарлафъ? ужели?“
 Въ лицѣ печальномъ измѣнясь,
 Вспашетъ со спула старый Князь,
 Спѣшилъ тяжелыми шагами
 Къ несчастной дочери своей,
 Подходилъ; опчими руками
 Онъ хотѣлъ прикоснуться къ ней;

Но ѿва милая не внемдешь,
 И очарованная дремлеши
 Въ рукахъ убійцы — всѣ глядѧши
 На Князя въ смутномъ ожиданьї;
 И старецъ безлѣкій взглѧдъ
 Вперилъ на випязя въ молчаньї.
 Но, хищро перспѣ къ успамъ прижалъ,
 „Людмила спишь, сказаъ Фарлафъ:
 „Я такъ нашелъ ее недавно,
 „Въ пустынныхъ Муромскихъ лѣсахъ
 „У злаго лѣшаго въ рукахъ;
 „Тамъ совершилось дѣло славно;
 „Три дня мы билися; луна
 „Надъ боемъ прижды подымалась;
 „Онъ палъ, а юная Княжна
 „Миѣ въ руки сонною доспалась;
 „И кто прервешь сей дивный сонъ?
 „Когда настанешь пробужденье?
 „Не знаю — скрышь судьбы законъ!
 „А намъ надежда и терпѣніе
 „Однъ оспались въ упѣшеніе.“

И вскорѣ съ вѣстю роковой
 Молва по граду полетѣла;
 Народа неспрою шопкой

*

Градская площадь закипѣла;
 Печальный перемъ вѣмъ открыпъ,
 Толпа волнуешся, валипъ
 Туда, гдѣ на одрѣ высокомъ,
 На одѣялѣ парчевомъ
 Княжна лежитъ во снѣ глубокомъ;
 Князья и випязи кругомъ
 Стояпъ унылы; гласы трубы,
 Рога, шимпаны, гусли, бубны
 Гремяпъ надъ нею; старый Князь,
 Тоской тяжелой изнурясь,
 Къ ногамъ Людмилы сѣдинами
 Приникъ съ безмолвными слезами;
 И блѣдный близъ него Фарлафъ
 Въ нѣмомъ раскаянѣ, въ досадѣ,
 Трепещенѣ, дерзостѣ потерявъ.

Наспала ночь, никто во градѣ
 Очей безсонныхъ не смыкалъ;
 Шли, шеснились всѣ другъ къ другу;
 О чудѣ всякой шолковалъ;
 Младой супругъ свою супругу
 Въ свѣтицѣ скромной забывалъ;
 Но только свѣтъ луны двурогой
 Исчезъ предъ упренней зарѣй,

Весь Кіевъ новою шревогой
 Смущился! Клики, шумъ и вой
 Повсюду разнеслись! Граждане
 Бѣгушъ, спѣснились на спѣнахъ;
 И видяпъ: въ ушреннемъ шуманѣ
 Шапры бѣльють на холмахъ . . . .
 . . . .

Но въ эпо время вѣцій Финнъ,
 Духовъ могучій власпелинъ,
 Въ своей пуспынѣ безмятежной,
 Съ спокойнымъ сердцемъ ожидалъ,
 Чтобъ день судьбины неизбѣжной,
 Давно предвидѣнныи, возспалъ.

Въ нѣмой глуши спеней горючихъ,
 За дальний цѣпью дикихъ горъ,
 Жилища вѣпровъ, бурь гремучихъ,
 Куда и вѣдьмы смѣлый взоръ
 Проникнуть въ поздній часъ боится,
 Долина чудная шаится,
 И въ шой долинѣ два ключа.
 Одинъ печенѣ волной живою,
 По камнямъ весело журча,
 Топъ льется мертвовою водою;

Кругомъ все шихо, вѣпры спяшь,
 Прохлада вешняя не вѣшь,
 Столѣтни сосны не шумятъ,
 Не вьющся пшицы, лань не смѣшь
 Въ жаръ лѣтній пить изъ шайныхъ водъ;
 Чепа духовъ съ начала міра,
 Безмолвная на лонѣ мира,
 Дремучій берегъ спережешь . . .
 Съ двумя кувшинами пустыми
 Предсталъ опишельникъ передъ ними
 Прервали духи давній сонъ,
 И удалились страха полны.
 Склонившись, погружаетъ онъ
 Сосуды въ дѣвственныя волны;
 Наполниль, въ воздухъ пропалъ,
 И очутился въ два мгновенія
 Въ долинѣ, гдѣ Русланъ лежаль
 Въ крови, безгласный, безъ движенья;
 И спалъ надъ рыцаремъ спарикъ,
 И вспрыснуль мертвою водою,
 И раны засияли вмигъ
 И прупъ чудесной красотою
 Процвѣлъ; шогда водой живою
 Героя спарецъ окропилъ,
 И бодрый, полный новыхъ силъ,

Трепеща жизнью молодою ,
 Вспаешь Русланъ, на ясный день
 Очами жадными взираешь ,
 Какъ безобразный сонъ, какъ шѣнь ,
 Предъ нимъ минувшее мелькаешь .
 Но гдѣ Людмила? Онъ одинъ !
 Въ немъ сердце вспыхнувъ замираешь .
 Вдругъ випаязъ вспрянуулъ; вѣщій Финнъ
 Его зовеши и обнимаешь :
 „Судьба свершилась, о мой сынъ!
 Тебя блаженство ожидаешь ;
 Тебя зовеши кровавый пиръ ;
 Твой грозный мечь бѣдою грѣхъ ;
 На Киевъ снідешъ крошкій миръ ,
 И шамъ она тебѣ предстанеши .
 Возьми завѣшиное кольцо ,
 Коснися имъ чела Людмилы ,
 И шайныхъ чаръ исчезнуши силы ,
 Враговъ смущиши твое лицо ,
 Насищанеши миръ, погибнеши злоба .
 Достойны счастья будьши оба !
 Проспи на долго, випаязъ мой !
 Дай руку . . . щачь за дверью гроба —
 Не прежде — свидимся съ тобой!“ —
 Сказалъ, исчезнуулъ. Упоенный

Воспогомъ пылкимъ и нѣмымъ,
 Русланъ, для жизни пробужденный,
 Подъемлетъ руки вслѣдъ за нимъ . . . .
 Но ничего не слышно болѣ!
 Русланъ одинъ въ пустынномъ полѣ;
 Запрыгалъ карла за сѣдломъ;
 Руслановъ конь жестерпѣливой
 Бѣжинъ и ржепъ, махая гривой;
 Ужъ Князь гоповъ, ужъ онъ верхомъ,
 Ужъ онъ лешишъ живой и здравый
 Черезъ поля, черезъ дубравы;

Но между шѣмъ какой позоръ
 Являетъ Киевъ осажденный?
 Тамъ, усмиренівъ на нивы взоръ,
 Народъ, уныньемъ пораженный,
 Споишъ на башняхъ и спѣнахъ,
 И въ спрахѣ ждепъ небесной казни;
 Степанья робкія въ домахъ,
 На стогнахъ тишина боязни;
 Одинъ, близъ дочери своей,
 Владимиръ въ горесипной молитвѣ;
 И храбрый сонмъ богатырей
 Съ дружиной вѣрою Князей
 Гоповится къ кровавой битвѣ,

И день насталъ. Толпы враговъ
 Съ зарею двинулись съ холмовъ;
 Неукротимыя дружины,
 Волнуясь, хлынули съ равнины
 И попекли къ спѣнѣ градской;
 Во градъ трубы загремѣли,
 Бойцы сомкнулись, полетѣли
 На вспѣчу рапи удалой,
 Сошлись и заварился бой.
 Почуя смерть, взыграли кони,
 Пошли спущаць мечи о брони;
 Со свистомъ шуча спрѣль взвилась,
 Равнина кровью залилась;
 Спремглавъ наездники помчались,
 Дружины конныя смѣшились;
 Сомкнутой, дружиною спѣнной
 Тамъ рубится со спроемъ спрай;
 Со всадникомъ тамъ пѣшій бьется;
 Тамъ конь испуганный несется;
 Тамъ Русской паль, тамъ Печенѣгъ;
 Тамъ клики битвы, тамъ побѣгъ;
 Топъ опрокинутъ булавою;
 Топъ легкой пораженъ спрѣлою;
 Другой, придавленный щипомъ,
 Расщоптанъ бѣшенымъ конемъ . . .

И длился бой до темной ночи;
 Ни врагъ, ни нашъ не одолѣлъ!
 Надъ грудами кровавыхъ пѣль
 Бойцы сомкнули томны очи,
 И крѣпокъ быль ихъ бранный сонъ;
 Лишь изрѣдка на полѣ билы
 Быль слышень падшихъ скорбный спонъ,
 И Русскихъ вилязей молитвы.

Блѣднѣла утренняя шѣнь,
 Волна сребрилася въ попокѣ,
 Сомнительный раждался день
 На опуманенномъ воспокѣ.
 Яснѣли холмы и лѣса,
 И просыпались небеса.
 Еще въ бездѣйственномъ покоѣ
 Дремало поле боевое;
 Вдругъ сонъ прервался: вражій спанъ
 Съ превогой шумною воспрянуль,
 Внезапный крикъ сраженій грянулъ;
 Смушилось сердце Кіевлянъ;
 Бѣгунъ нестройными полпами
 И видяпъ, въ полѣ меѧ врагами,
 Бліспая въ лапахъ, какъ въ огнѣ
 Чудесный воинъ на конѣ

Грозой несется, колещь, рубиши,
 Въ ревущій рогъ, лешая, шрубиши . . .
 То былъ Русланъ. Какъ Божій громъ
 Нашъ витязь палъ на басурмана;
 Онъ рыщешь съ карломъ за сѣдломъ
 Среди испуганнаго спана.

Гдѣ ни просвищешь грозный мечъ,
 Гдѣ конь сердитый ни промчишся ,
 Вездѣ главы слетаюши съ плечъ,
 И съ воплемъ спрой на спрой валитсѧ;
 Въ одно мгновеніе бранный лугъ
 Покрышь холмами тѣль кровавыхъ,
 Живыхъ, раздавленныхъ, безглавыхъ,
 Громадой копій, спрѣль, кольчугъ.
 На шрубный звукъ, на голосъ болѣ
 Дружины конныя Славянъ
 Помчались по слѣдамъ героя,
 Сразились . . . , гибни, бусурманъ!
 Объемлешь ужасъ Печенѣговъ;
 Пипомцы бурные набѣговъ
 Зовушъ разсѣянныхъ коней,
 Пропивиши не смѣюши болѣ
 И съ дикимъ воплемъ въ пыльномъ полѣ
 Бѣгушъ опь Кіевскихъ мечей,
 Обречены на жертву аду;

Ихъ сонмы Русскій мечъ казнитъ;
 Ликуещъ Кіевъ . . . но по граду
 Могучій богатырь лепилъ;
 Въ десницѣ держашъ мечъ побѣдной;
 Копье сіяешъ какъ звѣзда;
 Спруиша ся кровь съ кольчуги мѣдной;
 На шлемѣ въешился борода;
 Лепишъ, надеждой окриленный,
 По спогнамъ шумнымъ въ Княжій домъ.
 Народъ, восшоргомъ упоенный,
 Толпиша съ кликами кругомъ,
 И Князя радоснѣ оживила.
 Въ безмолвный шеремъ входишъ онъ,
 Гдѣ дремлешъ чуднымъ сномъ Людмила;
 Владиміръ, въ думу погруженъ,
 У ногъ ея споялъ унылый.
 Онъ былъ одинъ. Его друзей
 Война влекла въ поля кровавы.
 Но съ нимъ Фарлафъ, чуждаясь славы,
 Вдалъ опѣ вражескихъ мечей,
 Въ душѣ презрѣвъ тревоги сшана,
 Споялъ на стражѣ у дверей.
 Едва злодѣй узналъ Руслана,
 Въ немъ кровь осипыла, взоръ погасъ,
 Въ успахъ опкрытихъ замеръ гласъ,

И паль безъ чувствъ онъ на колѣни;
 Но вспомня шайный даръ кольца
 Русланъ лепитъ къ Людмилѣ спящей,
 Ея спокойнаго лица
 Касающейся рукой дрожащей . . . .
 И чудо! юная Княжна,
 Вздохнувъ, открыла свѣплы очи!
 Казалось, будто бы она
 Дивилася споль долгой ночи;
 Казалось, будто свѣжій сонъ
 Ее томилъ мечтой неясной,
 И вдругъ узнала — это онъ!
 И Князь въ объятіяхъ прекрасной.
 Воскреснувъ пламенной душой,
 Русланъ не видитъ, не внимаетъ,
 И старецъ въ радости нѣмой,
 Рыдая, милыхъ обнимаетъ.

Чѣмъ кончу длинный мой разсказъ?
 Ты угадаешь, другъ мой милой!
 Неправый старца гневъ погасъ;
 Фарлафъ предъ нимъ и предъ Людмилой
 У ногъ Руслана объявилъ
 Свой спыдъ и мрачное злодѣйство;
 Счастливый Князь ему проспилъ;

Лишений силы чародайства,
Былъ принять карла во дворецъ;
И бѣдствій празднуя конецъ,
Владиміръ въ гридницѣ высокой
Запировалъ въ семье своей.

Дѣла давно минувшихъ дней
Преданья спарини глубокой.
